

ДЖИЛ ГРЕГОРИ

Отважный герой,
нежные поцелуи

Джил Грегори
Отважный герой,
нежные поцелуи
Серия «Братья Баркли», книга 1

OCR ЮСЯ; Spellcheck ЛЕНА

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159172

Отважный герой, нежные поцелуи: АСТ; Москва; 2002

ISBN 5-17-014043-6

Оригинал: JillGregory, "Rough Love, Tender Kisses"

Перевод:

Ирина Кузнецова

Аннотация

Юная и гордая Кэтлин Саммерз приехала в дикий Вайоминг лишь для того, чтобы продать унаследованное от отца ранчо. Однако условия завещания были весьма странными: сначала девушка должна прожить на ранчо... год!

Целый год – в сельской глуши? Да какая столичная обитательница выдержит такую скуку?!

Но... год рядом с красавцем ковбоем Уэйдом Баркли, буквально рожденным для того, чтобы полюбить Кэтлин и превратить надменную скромницу в пылкую возлюбленную, – перед этим невозможно устоять!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	31
Глава 3	47
Глава 4	70
Глава 5	80
Глава 6	87
Глава 7	108
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Джил Грегори Отважный герой, нежные поцелуи

Пролог

Ранчо «Синяя даль», Вайоминг, 1867 год

Вся долина, насколько хватало взгляда, утопала в снегу. Крепкий бревенчатый дом, построенный среди деревьев, казался крошечным на склоне гор, покрытых сверкающим снегом. Ничто не двигалось, только легкий дымок вился над каминной трубой. Безлюдные просторы были объаты мертвой тишиной и покоем.

В одной из комнат дома, построенного собственными руками, служившей конторой, Риз Саммерз, наклонив голову, рассматривал троих мальчиков. Лампа ярко освещала их всех. Семилетний Ник, девятилетний Клинт и Уэйд, которому было одиннадцать, стояли в ряд, плечо к плечу, точно игрушечные солдатики. Они казались трогательно маленькими и беззащитными, но при этом все же по-братски сплоченными. Именно такими хотелось бы видеть сыновей Линку Баркли, их отцу, подумал Риз, взглядываясь в детские лица, на которых застыло выражение боли и неуверенности.

– Ребята, я должен кое-что вам сказать. – Голос его звучал сурово, но под этой суровостью скрывалась искренняя нежность. – Ваш отец был моим лучшим другом.

Старший из братьев, Уэйд, кивнул. На лицах остальных не дрогнул ни один мускул.

– Кроме того, ваш отец был храбрейшим человеком из всех, кого я знал. Он погиб, пытаясь спасти жизнь вашей матери, и я хочу, ребята, чтобы вы всегда об этом помнили. Помнили их обоих, как самых замечательных людей, когда-либо ходивших по нашей земле.

Все трое кивнули, но ни один не произнес ни слова. Поднялся ветер, стуча в окна крепкого квадратного дома ранчо «Синяя даль», огонь в очаге весело вспыхнул. Трое темно-волосых мальчуганов, совсем недавно осиротевших, стиснув зубы, молча смотрели на старинного друга их отца.

Ник, младший, не сказал ни слова с тех пор, как они приехали на ранчо, но слушал и замечал все своими темными глазами с длинными ресницами. Клинт, средний, был точной копией отца, даже волосы его были того же оттенка темно-красного дерева. Лицо мальчика, несмотря на резкие черты, было красиво. Уэйд, старший, явно опекал братьев. Он унаследовал материнские волосы, черные как вороново крыло и, хотя выглядел еще совсем ребенком, уже был подтянут и худощав, обещая стать высоким и мускулистым, как покойный отец.

– Мы благодарны вам за то, что вы взяли нас к себе, ми-

стер Саммерз, – сказал наконец Уэйд, делая шаг вперед и встретившись взглядом с пронизательными карими глазами Саммерза.

Тот положил руку ему на плечо.

– Зови меня Ризом, сынок. Мальчик кивнул.

– Хорошо, Риз, – неуверенно сказал он.

Потом с гордостью, как заметил Риз, вскинул голову.

– Мы себя прокормим, – с достоинством сказал мальчик.

Его руки были сжаты в кулаки. – Обещаю: мы никогда не будем для вас обузой.

– Это верно, – пискнул Клинт. – Я умею метать стога. И бросать лассо.

Маленький Ник, на глазах которого дилижанс наехал на родителей, задавив их насмерть, и кото-рый с того рокового дня не сказал ни слова, молча кивнул, хотя в его огромных глазах, устремленных на Риза Саммерза, читалось смешанное выражение удивления и надежды. Риз положил руки на плечи Уэйда и Ника, как бы обнимая их.

– Послушайте меня, ребятки. Вы никогда не станете мне в тягость. Я хочу, чтобы вы жили здесь. Поняли? Я не нанял вас в помощники. Вы... моя семья. Вот что я хотел вам сказать. – Он откашлялся. – Вы будете моей семьей, а я – вашей.

– А как же насчет вашей собственной семьи, мистер... э-э... Риз? – спросил Уэйд.

Риз перевел взгляд на фотографию в бронзовой рамке, стоявшую на каминной полке наискосок от письменного сто-

ла, несколько мгновений рассматривал ее, а потом снова взглянул на своих подопечных.

– Дело в том, – спокойно сказал он, – что я тоже потерял свою семью.

– Вот как? – спросил Клинт. Он вдруг повернулся и посмотрел на фотографию, на которой была изображена элегантно одетая женщина в обитом цветастой тканью кресле с подголовником с маленькой золотоволосой девочкой на коленях.

– А они тоже умерли, как наши мама с папой? – осмелился спросить Уэйд.

Риз покачал головой.

– Нет. – Голос Риза давал понять, как тяжело у него на сердце. – Они не умерли. Но все равно я потерял их.

Внезапно маленький Ник подался вперед и сунул свою крохотную ручку в большую мозолистую ладонь Риза.

Риз встретился с мальчуганом глазами, и в горле у него застрял комок. Он посмотрел на Клинта и Уэйда. Мальчики изо всех сил старались казаться сильными и не заплакать, но каждый из них по-настоящему страдал.

– Все будет хорошо, ребята, – медленно проговорил он, обведя дружелюбным взглядом всю троицу. – Теперь ранчо «Синяя даль» – ваш дом, так же, как и мой. Мы будем одной семьей, слышите? Настоящей семьей. Только немножко потерпите.

Риз не знал, поверили ли дети ему, но поклялся, что все

будет так, как он сказал. Конечно, понадобится время, но все это осуществится – на этот раз он постарается создать крепкую семью.

Поздним вечером, когда мальчики улеглись спать в большой комнате, расположенной напротив комнаты Риза, он, потягивая виски, задумался над тем, что ему предстояло осуществить. А предстояло ему помочь своему старому другу, покончив с собственным мучительным одиночеством.

Медленно оживало в нем сердце. «Как хорошо, когда ты кому-то нужен», – подумал Риз. В доме на ранчо «Синяя даль» снова поселятся дети, зазвучат веселые голоса, шум и смех.

Наверное, когда здесь будет жить кто-то, кроме него, он наконец почувствует, что у него опять есть дом.

Он взял старую фотографию и с тоской всмотрелся в нее. Теперь у него будут сыновья, трое прекрасных сыновей. Но боль, с которой он всматривался в личико своей маленькой дочки, не стала от этого меньше. Ее отсутствие он ощущал как невозполнимую потерю.

Кэтлин... если бы только...

Риз закрыл глаза и предался воспоминаниям, постепенно в нем воспряла решимость. Как-нибудь он добьется, чтобы его дочь вернулась сюда, на ранчо «Синяя даль». Домой, где он ждал ее все эти годы.

Глава 1

— Ах, мисс Саммерз, запомните, что я сказала. Ни в каком случае, ни при каких обстоятельствах не влюбляйтесь в ковбоя.

Дилижанс, покачнувшись, резко остановился в центре маленького городка под названием Хоуп в штате Вайоминг. Тучная женщина в красновато-коричневом дорожном платье и в шляпе с перьями наклонилась вперед и кивнула с умудренным видом белокурой девушке, сидевшей напротив.

— Если вы влюбитесь, — вздохнула она, — он только разобьет вам сердце.

— Не беспокойтесь, миссис Каспер, — успокоила ее девушка. Расправив атласный бант на нарядной розовой шляпке и разгладив юбку цвета бледной лаванды, она заставила себя улыбнуться спутнице. Женщина эта говорила не останавливаясь с того момента, как села в дилижанс, повествуя в основном о своей племяннице в Канзасе, которой разбил сердце ковбой с хорошо подвешенным языком. Но хотя миссис Каспер и любила поболтать, она была доброй женщиной, а Кэтлин ценила доброту — в последнее время она видела ее очень мало.

— Обещаю вам, что обо мне не придется беспокоиться, — спокойно сказала девушка. — Нет никакой вероятности, что я полюблю кого бы то ни было.

«Никогда больше я не сделаю такой глупости», – твердо решила она.

Одного раза более чем достаточно.

Красивое лицо Алека Бэллентри всплыло у нее в памяти, и Кэтлин постаралась заглушить боль, сжавшую ей сердце. Ей не хотелось думать об этом, равно как и о том, что в ее ридикюле лежат всего лишь жалких двенадцать долларов и сорок семь центов – все деньги, которые еще у нее оставались, – а также и о многом другом, из-за чего ее жизнь так резко изменилась за последние несколько месяцев. Ей хотелось думать только о Бекки, ее маленькой сестренке, которой она, Кэтлин, необходима, и о том, что она должна сделать, чтобы их будущее было обеспечено.

При мысли о лежащей на ней ответственности у Кэтлин все внутри сжалось. Бледное личико одиннадцатилетней сестры, ее тревожные глаза не выходили у нее из головы. Она знала, что не имеет права потерпеть неудачу.

Девушка стала рассматривать панораму города, открывающуюся из окна дилижанса, пытаясь забыть о своей усталости, продолжительном путешествии и неведомом будущем. Теперь она здесь, в Хоупе, и всего через несколько часов доберется до отцовского ранчо.

Ранчо «Синяя даль». Смысл жизни Риза Саммерза. Городок был небольшим, но оживленным. По тротуарам со смехом бегали дети, мужчины в ковбойских штанах и сапогах со шпорами разъезжали верхом по мостовой, женщины в шляп-

ках и ярких ситцевых платьях в клетку или полоску сновали из лавки в лавку. Повсюду, куда ни посмотри, двигались повозки, экипажи и лошади. Из открытых дверей салуна раздавались звуки расстроенного фортепиано и низкий хриплый смех.

Визгливый голос миссис Каспер перекрыл все остальные звуки:

– М-м-м, возьмите, к примеру, вон того. Ну разве не хорош собой этот парень? Именно таких и нужно обходить стороной, милочка. Запомните мои слова.

Кэтлин заметила его еще до того, как миссис Каспер открыла рот. На мгновение у нее перехватило дыхание. Перед «Торговым заведением Хикса», прислонившись к перилам лестницы, стоял темноволосый человек и смотрел на дилижанс. Большими пальцами он зацепился за карманы брюк, на поясе, обхватывающем его стройные бедра, висели два шестизарядных револьвера. Выражение «хорош собой» не совсем ему подходило. Сильный, великолепный, пугающий – вот какие определения были бы здесь уместны, мелькнуло в голове у Кэтлин.

Ростом значительно выше шести футов, он был широк в плечах и мускулист. Черты его сильно загорелого лица были немного резкими, ярко-синие глаза смотрели на окружающих уверенно и слегка презрительно.

Наверное, он охотник, подумала Кэтлин. В этом человеке было что-то опасное, но эта опасность исходила от его внеш-

ности и манеры держаться едва ощутимо.

Он был, без сомнения, красив, но то была совершенно другая красота, чем у Алека, подумала девушка, вспоминая вьющиеся каштановые волосы и мягкую улыбку своего бывшего жениха, его мелодичный смех и длинные изящные пальцы, на одном из которых сверкало фамильное золотое кольцо с печаткой, принадлежавшее его семье на протяжении четырех поколений. Ковбой был не похож на Алека Бэллентри, как не похож колючий репейник на изнеженную розу.

Этот человек с черными, как деготь, волосами – такими длинными, что они касались воротника рубашки, – и холодными глазами, сверкавшими из-под полей шляпы, был суров, как скала, и выглядел так, словно никогда в жизни не бывал ни в театре, ни в ресторане, и слуга никогда не готовил для него ванну и не начищал до блеска его сапоги.

А еще, наверное, он никогда не танцевал с женщиной вальс при свете хрустальной люстры и никому не говорил о любви... не говорил, что будет любить всегда...

Он казался человеком жестким, сообразительным – и слегка грубоватым. Взглянув на него еще раз, Кэтлин подумала, что, похоже, он чем-то недоволен.

А вот чем – она понятия не имела и даже не стала строить никаких предположений. У нее не было времени размышлять о красивых незнакомцах, в особенности о ковбоях, на счет которых миссис Каспер постоянно предостерегала ее в

течение всех дней путешествия.

Ей нужно было найти Уэйда Баркли, старшего ковбоя своего покойного отца, и добраться до ранчо «Синяя даль».

– Хоуп, Вайоминг! – рывкнул кучер дилижанса, рывком распахнув дверцы. Ворча, он опустил подножку, и Кэтлин простилась с миссис Каспер, стиснула затянутыми в перчатки пальцами розовый атласный ридикюль и осторожно ступила на пыльную мостовую.

Хоуп. То есть Надежда. Вот что лелеяла она в душе, вот что поддерживало ее. Надежда на то, что продажа ранчо пройдет гладко и быстро, на то, что удастся как можно скорее вернуться к Бекки.

Надежда на то, что больше их не настигнут никакие беды.

Кэтлин посмотрела в оба конца улицы. Красивый ковбой выпрямился и принялся ее рассматривать, но девушка решительно проигнорировала его. Заметив пожилого человека с толстым животом в огромной белой шляпе-стетсоне, направляющегося к ней, она почувствовала облегчение.

Выглядел он в точности так, как она его себе нарисовала. Добродушный, мягкий, нечто вроде дядюшки. И пунктуальный – Кэтлин была рада, что он встретил дилижанс вовремя.

– Вы миз Саммерз, верно? – Мужчина прищурился, глядя на нее, но Кэтлин обратила внимание не на его близко посаженные глаза и не на родинку на подбородке, а на нос, красный, как свекла, формой похожий на картофелину. – А я...

– Да, конечно, я знаю, кто вы. Добрый день, мистер Барк-

ли. Я рада, что вы приехали вовремя.

– А?

Человек споткнулся, чуть не упав на нее, и Кэтлин машинально протянула руку, чтобы поддержать его. Ощувив, что от него несет спиртным, она насторожилась.

– Мистер Баркли... как вы себя чувствуете?

– Чего? Распрекрасно, маленькая леди. Но лучше зовите меня Уэсли.

– Уэсли? А я думала, ваше имя Уэйд...

– Да нет, золотце, чего-чего, а уж свое-то имя я знаю. Он игриво потрепал Кэтлин по подбородку, а когда она, отпрянув, в полном изумлении посмотрела на него, запрокинул голову и разразился громким утробным смехом.

– Не нужно сердиться, золотце. Значит, вы давно потерявшаяся маленькая дочка старика Риза. И к тому же такая славная молодая кобылка.

«Господи, да ведь он в стельку пьян, – огорченно подумала Кэтлин. Ее охватила досада. – Нужно было предвидеть, что старшим у Риза Саммерза окажется пьяница».

– Мне бы хотелось как можно скорее попасть на ранчо. – Она говорила, пытаясь не выдать своего беспокойства. – Если я сумею сегодня же покончить со своим делом, то могу купить билет на завтрашний дилижанс и вернуться в Филадельфию...

– Завтра?.. Ну, золотце, что так быстро? Только что приехала...

– Мистер Баркли... уберите руку, прошу вас.

– Да ведь я просто по дружбе. В жизни не видал таких хорошеньких девчонок...

– Мистер Баркли!

Его пальцы коснулись ее руки, и Кэтлин резко отдернула ее, но прежде чем она успела еще раз приказать ему держаться подальше, порыв ветра подхватил ее шляпу и сорвал с головы. Кэтлин повернулась, чтобы поймать шляпу, и наткнулась на каменную стену.

Девушка не сразу поняла, что то была не стена, а человек. Высокий темноволосый человек с широкими плечами, презрительным взглядом и прямо-таки стальным телом. Тот самый ковбой.

– Не волнуйтесь, принцесса.

Кэтлин была настолько растеряна, что могла только молча смотреть в эти ясные синие глаза. На мгновение, словно замороженная его холодным взглядом, она почувствовала, как по ее телу пробежала жаркая волна, и в тот же миг – возможно, потому, что она наткнулась на него так внезапно – у нее закружилась голова.

«Вблизи он производит еще более гипнотизирующее впечатление, чем на расстоянии, подумала она. – И определенно... кажется еще выше». Кэтлин смотрела снизу вверх на его грубоватое лицо с темной порослью на подбородке. Его грудь под синей полотняной рубашкой почти такого же синего цвета, как и глаза, была широкой и мускулистой. От всего

этого человека исходило ощущение силы.

Несколько ошеломленная, Кэтлин отступила на шаг. Это помогло – она вдруг вспомнила о своей шляпе и с трудом оторвала взгляд от незнакомца. Посмотрев за его спину, она увидела, что как раз в это мгновение шляпа ее летит в поилку для лошадей на другой стороне улицы.

– Нет!

Кэтлин бросилась за шляпой, но было уже поздно. Осталось только смотреть, как ее потрясающе модная шляпка с изящным атласным бантом, кремовыми кружевами, шелковыми розовыми и белыми цветочками опускается в воду.

Увидев, что атласные ленты и некогда красивые цветочки тонут в поилке, Кэтлин едва не расплакалась. Все пропало. Эта шляпа – чуть ли не последнее, что оставалось у нее от прошлой обеспеченной жизни в Филадельфии, и вот теперь не стало и шляпы. Она лишилась ее, как и всего остального, что некогда составляло ее жизнь и что она принимала как должное.

Стиснув зубы, она повернулась к Баркли.

– Мистер Баркли. – Кэтлин видела, что ковбой хмуро наблюдает за ней, но вновь обратилась к пьянице, не обращая внимания на ковбоя, – будьте любезны, снимите с крыши мой чемодан и давайте скорее поедем на ранчо. Я полагаю, вы приехали в коляске...

– В коляске? Еще чего, леди, нет у меня никакой коляски. И почему это вы все время называете меня мистером Барк-

ли? – захихикал пьяный. Он покачнулся и чуть не упал, но на этот раз ковбой поддержал его. – Она чего-то не так понимает, Уэйд, – посетовал пьяный. – Да и я тоже... Ты объясни ей, а? Сдается мне, что маленькая дочка Риза малость туповата, – добавил он громким шепотом, отчего щеки у Кэтлин порозовели. – Ты согласен, Уэйд?

– Уэйд? – Кэтлин смотрела то на одного, то на другого и в конце концов остановила недоумевающий взгляд на высоком ковбое. – Он... назвал вас Уэйдом.

Ковбой кивнул.

– Вы хотите сказать... что это вы – Уэйд Баркли?

– Считайте, что так.

– Но... – Внутри у нее словно все заледенело. Она повернулась к пожилому человеку. – Тогда кто же это?

– Уэсли Бидл. Сдает карты играющим в фараон. Там, в салуне.

– Сдает карты... – Голос Кэтлин замер.

– Здорово запуталась, верно, Уэйд? А ведь она совсем не выпимши. – Пузатый ухмыльнулся, потом рыгнул и, слабо махнув рукой в сторону Кэтлин, поплелся к салуну.

С гор снова подул ветер. Несколько золотистых прядок выбились из прически Кэтлин. Волосы упали ей на глаза, и девушка отвела их в сторону, в растерянности глядя на настоящего Уэйда Баркли.

– Я не понимаю. Почему вы не заговорили со мной раньше? Вы ведь видели, что я шла к вам, и позволили ему ду-

рачить меня!

– Мисс Саммерз, я полагаю, что все это ваших же рук дело.

Холодные синие глаза долго и бесстрастно оглядывали Кэтлин, и за это время она ощутила, что, несмотря на то что она была одета в красивое платье цвета лаванды, приличную сорочку и чулки, он видит ее, словно она стоит перед ним нагая. Проницательный взгляд скользнул вверх-вниз по ее телу, примечая каждый изгиб, лишая ее маски холодного равнодушия, бывшей ее единственным оружием против мира. Дыхание у девушки стеснилось. По тому, как слегка презрительно изогнулись его губы, она поняла, что этот неотесанный ковбой с тяжелым взглядом считает ее совершенно не стоящей его внимания – глупой, неуклюжей, достойной лишь насмешек.

Да как он смеет!

Кэтлин решила попробовать испепелить его взглядом – способ, к которому мисс Калп, наставница Давенпортского пансиона для молодых леди, прибегала по отношению к провинившимся ученицам, – когда он ткнул большим пальцем в сторону окованного латунию сундука, который кучер только что снял с дилижанса.

– Это ваше?

– Да, мое, но...

Она не успела еще закончить фразы, как он уже отошел от нее, направившись к сундуку.

Кэтлин медленно покачала головой. «Успокойся, – велела она себе. С покрытого облаками неба на нос ей упала капля дождя. – Не позволяй грубому, надменному, некультурному ковбою с ранчо смутить тебя. Главное – добраться до ранчо и покончить со всеми делами».

Неожиданно она услышала громкий женский голос:

– Уэйд... Уэйд Баркли! Это что, дочка Риза?

Уэйд, обернувшись, взглянул из-под шляпы на двух женщин, торопливо идущих по тротуару.

– Полагаю, что так. Я не заметил, чтобы сегодня еще какие-то особы женского пола выходили из дилижанса.

И он повернулся к Кэтлин. Его красивое лицо было наполовину скрыто шляпой. Сундук он нес с такой легкостью, будто это был дамский ридикюль.

– Мисс Саммерз, – окликнула девушку тучная женщина с корзиной, висящей у нее на руке, – я Эдна Уивер, мой муж – владелец банка здесь, в Хоупе. Как поживаете? – Дождавшись, пока мимо нее проедет повозка, она быстро сошла с тротуара и поспешила к Кэтлин. Худощавая невысокая женщина с пытливым взглядом огромных глаз шла за ней. – А это Уиннифред Дейл – она работает на почте. – Эдна Уивер сочувственно закудахтала. – Мы рады познакомиться с вами, золотце, жаль только, что это происходит при таких грустных обстоятельствах.

– Ах... да. Благодарю вас. – Неужели весь город ждал ее приезда? Сначала пьяница из салуна, теперь эти две женщи-

ны! Кэтлин казалось удивительным, что в Хоупе кто-то знает о ее существовании, особенно если учесть, что покойный отец за последние восемнадцать лет ни разу не написал ей.

Кэтлин настороженно рассматривала женщин. Темно-русые волосы Эдны Уивер были закручены в скромный пучок, платье приглушенного сливового цвета с гагатовыми пуговицами было простым, но сшитым по моде и хорошо сидело на ее округлой фигуре. Большие карие глаза встретились с зелеными глазами Кэтлин. Взгляд Эдны был твердый, оценивающий, а улыбка казалась искренне дружелюбной. Но Кэтлин уже успела узнать, что люди не всегда таковы, какими кажутся с виду, и не намеревалась поднимать забрало. Ни перед Эдной Уивер, ни вообще перед кем бы то ни было – каким бы приятным ни казался ей этот человек. Вторая женщина была пониже ростом и помоложе Эдны – ей, вероятно, было слегка за тридцать. Она чем-то напоминала мышку, то и дело нервно прикасалась к высокому воротнику своего бело-зеленого хлопкового платья и смотрела на Кэтлин через небольшие очки, сидящие на изящном носике. Легкие каштановые волосы, казавшиеся мягкими, точно шелк, вились вокруг ее маленького остренького личика.

– Ваш отец был превосходным человеком, милочка. – В словах Эдны звучало сожаление. Тем временем Уэйд Баркли поставил сундук на землю. – Риз не часто появлялся в городе, но я могу вам гарантировать, что в этих краях по нему будут очень скучать. Правда же, Уинни?

Хрупкая женщина как-то странно смотрела на Кэтлин.

– Да, это так. – На лице ее появилась робкая улыбка. – Мы с вашим отцом были друзьями... близкими друзьями, – грустно прошептала она. – Он... он был бы так горд, если бы увидел, какой красивой молодой леди вы стали.

Кэтлин ошеломленно молчала. Как бы ни была добра Уиннифред Дейл – или хотела быть таковой, – она ошибалась. Риза Саммерза ничуть не интересовало, какой выросла его дочь. Она вообще его не интересовала.

А женщина торопливо продолжала:

– Если вам что-нибудь понадобится, пока вы здесь, в Хоупе, мисс Саммерз, заходите ко мне или к Эдне. Мы будем очень рады помочь вам, чем можем.

– В Хоупе люди очень приветливы, – добавила Эдна. – Да и во всей Серебряной долине. Я уверена: вам здесь понравится.

– Благодарю вас, но я не собираюсь надолго здесь оставаться. Я приехала только для того, чтобы продать имение своего отца.

От удивления брови обеих женщин взлетели вверх, а Уэйд Баркли пристально посмотрел на Кэтлин. Она слегка вздернула подбородок.

– Я приехала не для того, чтобы поселиться в Вайоминге. Я приехала, чтобы продать ранчо «Синяя даль».

– Продать... – Эдна словно задохнулась. Уиннифред прижала руки к груди.

– Ах, нет! Дорогая моя, не делайте этого! Господи! Это ранчо – такое большое, доходное, это замечательное имение – самое большое в наших краях! Для вашего отца оно значило все, – выдохнула она. И взглянула на Уэйда Баркли.

Тот ничего не сказал, только смотрел на белокурую девушку в напряженном молчании.

– Я все это прекрасно знаю. – Голос у Кэтлин звучал сдавленно. Она действительно хорошо знала, что значило для отца ранчо «Синяя даль». Больше, чем ее мать, больше, чем она сама... – Однако для меня оно не значит ничего. – Кэтлин заставила себя грациозно тряхнуть головой – этот красивый жест она отточила в многочисленных филадельфийских танцевальных залах. – Я намереваюсь продать его и по возможности быстрее вернуться обратно.

– Черта с два, – проговорил Уэйд низким голосом.

– Золотце, он хочет сказать, – подхватила Эдна Уивер, – что вы не можете продать ранчо. То есть не должны... – И Эдна Уивер бросила на Баркли беспомощный взгляд.

– Уэйд, дорогой, – огорченно пробормотала Уинни Фред, переводя взгляд с Кэтлин на ковбоя, – вы полагаете, что она не знает?

– А кто бы мог ей что-нибудь рассказать? – буркнул он.

– О чем вы говорите? Рассказать мне – о чем? – Кэтлин, подавив зарождающееся беспокойство, шагнула вперед. – Нет никаких причин, почему я не могла бы продать ранчо «Синяя даль», – тихо сказала она. – У меня есть письмо от

адвоката, в котором говорится, что оно завещано мне отцом. Письмо вот здесь, в моем ридикюле...

Она начала нервно рыться в сумочке, но тут на ее запястье легла рука Уэйда.

– Сейчас не время и не место разбираться в таких делах.

Поехали, – коротко бросил он.

– Куда?

– На ранчо. Там я все вам объясню.

Он посмотрел на Эдну Уивер и Уиннифред Дейл, которые все еще с беспокойством смотрели на них.

– Леди, – наклонил он голову, прощаясь с обеими дамами.

– Да-да, поезжайте, Уэйд... покажите мисс Саммерз ранчо. – Уиннифред кивнула. Эдна, огорченно сдвинув брови, собралась уходить.

– Я уверена... Уэйд вам все объяснит, мисс Саммерз. И мы еще встретимся, – быстро сказала она. – Я не хотела вам мешать, Уэйд, – виновато добавила она, опустив голову под его раздраженным взглядом.

Кэтлин посмотрела женщинам вслед. Они поспешно шли по тротуару, шелестя юбками. Сама она замерла, потрясенная. Она и представить не могла, что продажа ранчо может быть сопряжена с какими-то трудностями. Мысль о том, что что-то не даст ей осуществить ее последний, рожденный отчаянием план, наполнила ее паническим страхом. На какое-то время она словно приросла к месту, пытаясь обрести самообладание.

У коновязи рядом с торговым заведением внезапно заржала гнедая лошадь. Неожиданно главная улица Хоупа опустела – наверное, потому, подумала Кэтлин, что горизонт потемнел и вот-вот должен был начаться дождь. На низком небе поплыли тучи, с гор подул свежий ветер, принесся запах влажной земли и сосновой хвои. Юбка облепила ноги Кэтлин.

Предгрозовое напряжение охватило воздух.

– Мисс Саммерз? Что с вами?

Уэйд Баркли все еще держал ее за руку, настороженно глядя на нее.

– Вы ведь не собираетесь упасть в обморок?

– Я никогда не падаю в обморок, мистер Баркли. – Кэтлин, глубоко вздохнув, подняла на него большие зеленые глаза, в которых блеснула решимость. – И не плачу. Ни в том, ни в другом нет ничего конструктивного. Так говорит мне мой жизненный опыт.

– Вот как? Ну и ладно. Тогда поехали.

– Я никуда с вами не поеду, пока вы не ответите на мои вопросы.

– Хотите пари?

Он крепче сжал руку Кэтлин, а другой легко поднял сундучок и, не говоря ни слова, потащил девушку по улице.

– Как вы смеете! Отпустите меня! – Она попыталась высвободиться и задохнулась от возмущения, когда у нее ничего не получилось. – Послушайте, мистер Баркли... мне ну-

жен ответ, и прямо сейчас!

– Вероятно, принцесса, вам пришло время узнать, что вы не всегда можете получить то, что хотите.

Уголки губ у Кэтлин опустились.

– Пустите меня! – яростно потребовала она, упираясь ногами в землю. – Я ни шагу больше не сделаю, пока вы не скажете, о чем говорили эти женщины.

Поскольку нужно было либо тащить ее волоком, либо остановиться, Уэйд Баркли остановился, сунув глаза.

– Вы всегда ведете себя, как капризный младенец?

– А вы всегда ведете себя, как несносный грубиян?

– Полагаю, вы пробудили все лучшее, что во мне есть, – презрительно бросил Уэйд. Он не хотел давать волю своему характеру, не хотел, чтобы дочка Риза поняла, насколько она ему неприятна, Ризу это не понравилось бы. Он, Уэйд, заранее невзлюбил ее, но едва она сошла с дилижанса и он увидел ее золотистые волосы, кожу цвета сливок и колдовские глаза, как ощутил, что сердце его учащенно забилося.

Крошечная девочка с фотографии, стоявшей в рамке на каминной полке, фотографии, на которую он так часто смотрел, стала совсем взрослой. Уже не намек на будущего человека, не хорошенький младенец, невинно смотрящий с материнских колен, – теперь это была вполне взрослая женщина. Женщина, каждая черта которой была исполнена восхитительной сверкающей красоты и от которой исходил чудесный слабый запах фиалок.

Женщина, которая разбила сердце Риза Саммерза.

Впрочем, обе – и она, и ее мать, напомнил себе Уэйд, и в душе у него стал нарастать гнев.

Он вспомнил, как Риз тосковал по этой девочке, своей дочери, как беспокоился за нее, мечтал о ней, как прошептал ее имя с последним вздохом, – и у него захолонуло сердце.

Ему захотелось кого-нибудь ударить – но не мог же он ударить ее! Уэйд в жизни не ударил ни одной женщины и не собирался начинать с дочки Риза, даже если она и заслуживает хорошей взбучки.

Риз заставил его дать обещание, что он позаботится о ней. Проклятие! На самом деле ему хотелось пинком посадить ее обратно в дилижанс и захлопнуть за ней дверцу. Но тем не менее он взял себя в руки и заговорил с ней со всей холодной отчужденностью, на какую только был способен.

– Послушайте, мисс Саммерз, вот-вот пойдет дождь. Может быть, даже будет гроза. Хотите, чтобы она застигла вас там, где нет никакого жилья, или предпочитаете оказаться в тепле и уюте на ранчо? Дело ваше. Но если мы не отправимся прямо сейчас, то не доберемся до места до начала грозы.

– Напротив, мистер Баркли, это ваше дело. Я никуда не поеду, пока вы не ответите на мои вопросы. Как только вы это сделаете, мы можем ехать. Что вы скрываете о ранчо «Синяя даль»?

– Все, что вам хочется узнать, вы узнаете, когда мы попадем туда.

И он снова хотел взять ее за руку. Лицо его выражало жесткую решимость. Но Кэтлин отскочила, оказавшись вне досягаемости.

– Я никуда с вами не поеду, пока вы мне не ответите. Он сжал губы, синие глаза его сверкнули.

– Ну что же, устраивайтесь сами.

Он поставил сундучок на землю и пошел прочь. Едва веря своим глазам, Кэтлин могла только оторопело смотреть ему в спину.

Он оставил ее одну посреди незнакомого города, направившись в его противоположный конец, с каждым шагом уходя от нее все дальше и дальше.

Мимо прогрохотала повозка, где-то с шумом захлопнулась дверь. Тучи нависли еще ниже.

Кэтлин была ошеломлена. Ей стало как-то не по себе. Уэйд Баркли не оглядывался, не замедлял шаг. Он действительно уходит, сейчас сядет в коляску и уедет на ранчо «Синья даль» – без нее.

И что ей тогда делать?

Она стиснула зубы, расправила плечи и, с тихим стоном подняв сундучок, пошла следом за ним, пытаясь сохранить достоинство.

Ветер трепал ее платье, теребил легкие светлые локоны. Она пылала от негодования – негодования на того, кто должен был встретить ее со всей любезностью, отвезти на отцовское ранчо и обращаться с ней уважительно, выполняя все

ее просьбы. Вместо этого он ее оскорблял, тащил за руку на глазах у всех и в конце концов бросил одну.

Чуть не плача, она шагала по главной улице, таща сундучок, и редкие капли дождя падали перед ней в пыль. К тому времени, когда она добралась до «Продуктовой лавки Пита» и увидела Уэйда Баркли, стоявшего у двух гнедых лошадей, запряженных в повозку, она просто задыхалась. Капли пота блестели у нее на лбу, лицо было красным, как полевые марки, которые покрывали равнину на подъезде к городу.

– Повозка? – задыхаясь, сказала она, подходя к нему сзади и бросая проклятый сундук в пыль. – Почему вы не приехали в... коляске?

– Нужно было купить кое-какую провизию. Без повозки никак. – Уэйд обходился минимумом слов. Он отошел от лошадей и сдвинул какие-то мешки, лежащие на повозке. – Значит ли это, что в конце концов вы решили поехать на ранчо?

– Блестяще, мистер Баркли. – Рука у Кэтлин горела после тяжелого сундучка. – Я вижу, что ваши логические способности превышают только ваши прекрасные манеры и обаяние.

– По моей работе мне не очень-то нужны манеры и обаяние, – неторопливо сказал он. – А сейчас я как раз собираюсь заняться своей работой. Тащить вас на ранчо – это, принцесса, не светская любезность, а просто часть моей работы.

– То есть именно то, что вам поручил мой отец. Уэйд обо-

гнул повозку, подошел к Кэтлин и смерил ее взглядом.

– Верно.

– А как вы думаете, ему понравилось бы, что вы заставляете меня нести тяжелый сундук, гнаться за вами по улицам и терпеть ваши невыносимые грубости?

Уэйд уставился на нее, раскрыл рот, потом снова закрыл.

Да катись все к черту, он ведь встретил ее! Риз, наверное, ожидал от него гораздо большего, но эта самовлюбленная, избалованная, капризная красоточка не заслуживала ни уважения, ни симпатии, ни доброты. Она заслуживала только хорошего пинка.

– Давайте я помогу вам сесть в повозку, мисс Саммерз, – сказал он, заставляя себя говорить вежливо. – Если вы не такая гордая, чтобы ехать в ней.

– У меня нет особого выбора, не так ли?

И Кэтлин позволила ему помочь ей. В руках, поднявших ее с земли, было столько силы, что ей стало немного не по себе.

Он бросил сундучок в заднюю часть повозки поверх мешка с картофелем. Кэтлин смотрела вперед.

– И еще одно, мистер Баркли, – произнесла она ледяным тоном, когда он, легко вскочив на сиденье, устроился рядом с ней и взял в руки вожжи. Лошади плавно тронулись с места.

– Что такое, мисс Саммерз?

Даже его ленивый медленный выговор действовал ей на нервы.

– Я вас предупреждаю заранее. – Каждое слово она выговаривала ясно и четко. – Как только мы приедем на ранчо «Синяя даль», вы будете уволены.

Глава 2

— Уволен?

– Вот именно.

– Уволен! – Под все более мрачным небом Вайоминга раздался громкий смех Уэйда Баркли. Он встряхнул вожжи, и лошади перешли на быструю рысь, вздымая копытами клубы пыли. Городишко под названием Хоуп остался позади, а они направлялись к западу по обширной степной равнине.

Уэйд продолжал посмеиваться. Кэтлин повернулась и сердито посмотрела на него.

– Очень мило, что это вас так забавляет. Хочется надеяться, что вы будете так же смеяться, когда пойдете искать новое место – держа шляпу в руке, голодный и отчаявшийся...

– Вы просто очаровательны, клянусь вам, принцесса!

– Перестаньте меня так называть! Для вас я мисс Саммерз. Вы мой работник, – возразила она и вдруг покачнулась, когда они переехали через корень, торчавший поперек дороги, успев, правда, схватиться за сиденье повозки. – Во всяком случае, останетесь таковым еще некоторое время. Когда мы доберемся до ранчо?

– Часа через два. – Он сказал это с таким выражением, что она поняла – эти два часа будут самыми долгими во всей его жизни. У Кэтлин было в точности такое же ощущение. Ей не терпелось добраться до ранчо и навсегда избавиться

от этого человека.

– Когда мы приедем, вы немедленно соберете все ваши вещи и покинете мое имение. Я уверена, что там найдется кто-нибудь еще, кто сможет ухаживать за лошадьми и... заботиться о припасах... и вообще обо всем.

– Вы прямо леди-босс, верно?

– Это ненадолго. Только пока я не продам ранчо тому, кто предложит самую высокую цену.

– На это не рассчитывайте.

– Прошу прощения?

Его следующие слова заставили ее похолодеть.

– Никто не купит это ранчо.

– Как вы можете знать это?

– Да уж могу, раз говорю.

Этого Кэтлин вынести не могла. Если существует причина, по которой она не может продать ранчо и Уэйду Баркли она известна, она заставит его сказать ей об этом здесь и сейчас. Если придется ждать, пока они приедут на ранчо, она изведется от нетерпения. Перед глазами Кэтлин встало лицо Бекки, каким она видела его в последний раз, – милое, бледное, очень тревожное.

А ее голос – как он дрожал в тот серый сырой вечер, когда Кэтлин пришла в Давенпортский пансион, чтобы обнять сестру и проститься с ней.

– Но ведь ты скоро вернешься назад и заберешь меня отсюда, да, Кэти? Мне здесь очень плохо – все шепчутся о п-

папе. Даже учителя такие ужасные.

– Я вернусь, как только смогу. Не обращай внимания на сплетни. Держи голову высоко и делай вид, что ничего не слышишь. – Именно так поступала сама Кэтлин, по собственному опыту зная, как это нелегко.

– Я постараюсь. – Бекки прижалась к ней и слегка сжала ее руку. – Все будет хорошо, правда же, Кэти?

Она тогда поцеловала сестру в щеку и пообещала, что действительно все будет хорошо. И она этого добьется – не важно, как именно, но добьется непременно!

– Остановите лошадей немедленно! – Кэтлин сердито посмотрела на мрачный профиль Уэйда Баркли, – Вы все время делаете какие-то намеки и держитесь весьма таинственно, ничего толком не рассказывая. Я больше ни минуты не желаю мириться с этим. Мы не поедem дальше, пока я не получу от вас ответы на все свои вопросы. Вы меня слышите? – Уэйд сидел с таким видом, будто не слышал ее, и она повысила голос. – Ответы! – крикнула она. – Это слишком важно – я не могу ждать несколько часов. Остановите повозку – или я выпрыгну!

Он бросил на Кэтлин скептический взгляд, но, должно быть, ее пылающее лицо и учащенное дыхание убедили его в искренности ее волнения, потому что, к ее великому удивлению, он подчинился приказанию. Лошади стали. Перед ними простиралась поросшая травой дорога, а дальше поднимались округлые сероватые холмы. Слева из зарослей выбе-

жали три оленя и умчались прочь; небо приобрело еще более зловеший оттенок свинцово-серого цвета. Кэтлин, повернув голову, посмотрела на своего спутника.

– Вот и настало время, когда вы меня стали слушаться. . .

– Я делаю это не для вас, – оборвал он ее. – Я делаю это для Риза.

– О чем вы говорите?

Он сверкнул на нее глазами.

– Ему бы не хотелось, чтобы вы сильно огорчились.

При мысли о том, как он ошибается, грудь Кэтлин пронзила резкая боль, но она не позволила Уэйд Баркли заметить это. Пожав плечами, она расправила юбку.

– Я сильно в этом сомневаюсь.

– Напрасно.

– Мой отец был слишком эгоистичен и занят самим собой, чтобы хоть немного думать обо мне, когда был жив, так что я не верю, что он беспокоится обо мне теперь, когда его. . . Ах!

Он так внезапно схватил ее за руку, что Кэтлин ахнула.

– Больше ни одного плохого слова о нем. – Уэйд говорил голосом низким и сердитым. – Не советую вам отзываться о Ризе дурно в моем присутствии либо в присутствии кого бы то ни было.

– Как вы смеете угрожать мне! – Ее охватило негодование, но голос звучал ровно. – Уберите руку сию же минуту!

Уэйд заглянул в ее сверкающие от гнева глаза и почувствовал, как его охватило жаркое напряжение. Черт побери,

как она может быть такой красавицей внешне и такой противной ведьмой по сути? Если бы он своими глазами не убедился в том, как она холодна и бессердечна, как вызывающе держится, словно она хозяйка ранчо, он поймался бы на это прелестное личико.

Уэйд сердито смотрел на нее, пытаясь одолеть свое негодование, как вдруг заметил, что нижняя губа у нее дрогнула. Ярко-розовая, полная, губа эта дрожала, и он не мог отвести от нее взгляд.

Губы у нее роскошные, и таким телом можно соблазнить кого угодно, кроме разве что слепого проповедника, – и при этом она настоящий дьявол в женском обличье, напомнил он себе.

А он обещал Ризу, что позаботится о ней.

– Уберите руку! – снова крикнула Кэтлин, и на этот раз он сделал так, как она просила.

Точнее, попросту оттолкнул ее.

– Полагаю, нам обоим лучше успокоиться, – сказал он. Кэтлин глубоко вздохнула.

– Мне очень важно понять кое-что сейчас же. Существует ли какая-то причина, из-за которой я не могу продать ранчо «Синяя даль»?

– Вы не продадите ранчо. – Ответ его был таким же твердым и многозначительным, как и его неподвижное лицо.

– Это смешно. – Кэтлин постаралась говорить непринужденно, но страх уже сжал ее словно тисками. – У меня есть

все права на это имение. В письме адвоката отца ясно сказано, что я унаследовала ранчо – землю, дом, скот и все прочее, что там имеется.

– Вы хотите, чтобы я ответил на ваши вопросы, или будете слушать собственную болтовню о вещах, в которых ничего не понимаете?

От его резкого тона она вспыхнула. Снова ее охватило негодование – и вместе с тем зарождающееся смятение. Она должна обязательно продать ранчо! Ей необходимы деньги, чтобы уехать вместе с Бекки, чтобы они могли как-то жить, пока ей не удастся найти работу и устроиться в приличном месте.

– Ваши слова бессмысленны, – сказала она низким голосом, слегка дрожащим от дурных предчувствий. – Но продолжайте. Я слушаю.

– Эбнер Маккейн, адвокат Риза, должен был сегодня встретиться с нами на ранчо. У него какие-то дела в Ларамии, и я думал, что он приедет, но получил телеграмму перед самым прибытием дилижанса. Он приедет только завтра утром, так что, похоже, вам придется узнать все от меня.

– Узнать что?

Воздух вздрогнул от громового раската. Тучи, казалось, стали еще темнее, тяжелее, ниже. Уэйд слегка нахмурился, глядя на них, потом бросил взгляд на Кэтлин, решая, как начать. Когда он все ей скажет, она взорвется, как зажженная шутиха. Пожалуй, раскричится да и расплачется, хотя и на-

говорила всякой ерунды насчет того, что никогда не плачет. А потом еще больше раскричится.

«Она заслуживает этого удара, – мрачно подумал он, – и сейчас получит его».

Но как бы ни был велик соблазн, он все же не мог заставить себя сказать ей это сейчас, посреди пустынной местности, когда вот-вот начнется гроза. Это было как-то неблагоприятно.

Она захочет остаться одна, когда все услышит, чтобы иметь возможность успокоиться и все как следует обдумать. Если они поедут побыстрее, может, еще и успеют добраться домой до грозы.

– Условия завещания вашего отца довольно сложны. Слишком сложны, чтобы объяснять их сейчас. Вам захочется самой увидеть завещание. Хотя от этого ничто не изменится, – ровным голосом сказал он.

– Но вы...

– Послушайте, гроза догоняет нас! – Уэйд снова взялся за вожжи. – Если мы сию же минуту не двинемся с места, вы промокнете. Полагаю, вам это не очень понравится. И потом, – добавил он, в то время как лошади беспокойно затанцевали на месте, – вам, наверное, понадобится глотнуть виски, когда я расскажу вам, что именно говорится в завещании. Уж поверьте мне.

– Я не пью виски, и я вам не верю и хочу услышать условия завещания прямо сейчас.

– Очень плохо. – Уэйд пустил лошадей рысью, потом быстро перевел в галоп, потому что порыв ветра, долетевший с гор, всколыхнул густую траву, согнул стволы деревьев.

Длинные пряди золотистых волос выбились из прически Кэтлин. Она почувствовала запах приближающегося дождя. Только этого ей не хватало! Вдобавок ко всему еще и вымокнуть. Мало того, что с завещанием, похоже, будут какие-то осложнения.

– Прекрасно, мистер Баркли. Когда мы доберемся до ранчо, вы сначала сообщите мне условия завещания, а потом я вас уволю, – заявила Кэтлин. Внезапно лошади бросились вперед, и повозка быстро и тяжело затряслась по неровной дороге.

Кэтлин молча сидела, напрягая всю силу воли, чтобы ни в коем случае не заплакать. Этот Баркли не должен заметить, насколько ей не по себе, как она встревожена, и совсем не потому, что они едут с бешеной скоростью, а из-за возникших перед ней неожиданных препятствий.

Разве ее жизнь и без того не слишком трудна? Следовало предвидеть, что отец усложнит ее еще больше – даже мертвый он был источником ее мучений.

Кэтлин было только три года, когда ее мать, Лидия, покинула маленькую хижину в глухомани штата Вайоминг и, забрав с собой Кэтлин, отправилась искать лучшей жизни. Риз Саммерз не интересовался ничем, кроме как своим бесценным ранчо, говорила ей позже мать. Он вознамерился пре-

вратить ранчо «Синяя даль» в самое крупное, самое доходное имение в этих краях, и ему было не важно, что его жена и ребенок жили, как нищие, посреди обширной безлюдной гористой местности, что Лидия ощущала себя ужасно одинокой, что зимы были чудовищно холодными и долгими и жили они, месяцами никого не видя, на окраине Серебряной долины. Риз не желал отказываться от своей мечты, уезжать из этого медвежьего угла, приютившегося в тени гор Ларамии. И Лидия, оставив его, уехала на восток, где встретила Джиллиса Тамарлейна, бравого отпрыска железнодорожного магната, и вышла за него замуж. Джиллис не только устроил развод Лидии, но также обещал вырастить Кэтлин как свою родную дочь.

Кэтлин никогда больше не видела Риза Саммерза – с того самого дня, как Лидия, дождавшись, когда Риз уедет на ярмарку скота, отправилась с дочерью в город, взяв деньги, оставленные ей Ризом на питание, и там, ни разу не оглянувшись, села в дилижанс, направляющийся в Сент-Луис.

Но Кэтлин все же оглянулась – или попыталась оглянуться, но уже спустя годы, и ее воспоминания о раннем детстве в Вайоминге были смутными и расплывчатыми. Своего родного отца она почти не помнила – в ее памяти сохранился образ какого-то крупного человека с очень низким голосом и... сигарами. Она помнила крепкий запах его сигар. И ничего больше.

Не было даже его фотографии.

А Кэтлин очень хотела иметь его фотографию. Когда ей было восемь лет, она впервые написала Ризу, спрашивая, не пришлет ли он ей свое фото, не напишет ли письмо и нельзя ли ей как-нибудь приехать на ранчо «Синяя даль» покататься на пони.

Ответа не последовало.

Через несколько лет Кэтлин сделала еще одну попытку – и снова не получила ответа.

Отец ни разу не подтвердил, что получал от нее письма.

Она даже не знала, что ранчо «Синяя даль» действительно превратилось в самое процветающее хозяйство в тех краях, пока не пришло это единственное письмо – письмо, в котором Риз сообщал, что умирает, и спрашивал, не приедет ли она повидаться с ним.

Письмо пришло в тот самый день, когда она узнала, что Лидия и Джиллис погибли в море.

В тот день вся ее жизнь непоправимо изменилась. Ее мать и Джиллис Тамарлейн были людьми веселыми, приятными, интересными, из разряда вечно отсутствующих родителей. Погруженные в лихорадочный круговорот светской жизни, которую страшно любили, они очень редко проводили время дома с Кэтлин и с ее младшей единоутробной сестрой Бекки. Подрастая, Кэтлин и Бекки никогда ни в чем не нуждались, жили в самых лучших домах, у них всего было в избытке – и одежды, и игрушек. Родители постоянно принимали гостей и сами почти ежедневно где-то бывали, но при этом не уде-

ляли детям ни времени, ни внимания, и это было очень заметно. У Лидии и Джиллиса никогда, кажется, не было возможности побыть с дочерьми больше нескольких минут, потому что им предстоял бал, или опера, или домашний прием. Их очень часто навещали друзья, отнимая у детей даже то время, которое родители проводили дома.

Перед тем как Лидия и Джиллис предприняли то роковое путешествие домой через Атлантику, они прекрасно провели время на многодневном домашнем приеме в имении графа Уайслета в Суффолке.

Путешествие, которое коренным образом изменило жизнь Кэтлин.

Несмотря на то что родители постоянно разъезжали с одной вечеринки или приема на другую, что зачастую они были слишком заняты, чтобы обращать внимание на повседневную жизнь своих дочерей и что отправили девочек в пансион, как только те подросли, эта потеря глубоко потрясла и Кэтлин, и Бекки.

Неудивительно, что потом, в горе и смятении, у Кэтлин не оказалось ни сил, ни желания принять приглашение Риза Саммерза – человека, который в течение последних восемнадцати лет полностью игнорировал существование Кэтлин. А вскоре после гибели родителей еще один удар заставил ее пошатнуться: выяснилось, что после Джиллиса Тамарлейна осталась куча долгов, расплатившись с которыми сестры оказались практически без гроша. Это превратило обеих в пред-

мет жалости и презрения. Те, кого они когда-то считали друзьями, окружили девочек стеной молчания.

Капля дождя вывела Кэтлин из задумчивости, и она увидела, что лошади пересекают более холмистую местность по уступам – то поднимаясь вверх по зигзагообразной тропе, то проезжая по тропе над узким красным оврагом, от вида которого у нее захватило дух. Время от времени накрапывал мелкий дождик, но он набрал силу после очередного удара грома, раздавшегося на этот раз громче и ближе, чем предыдущий.

– Держу пари, сейчас вы особенно сожалеете об этой вашей шляпе, – заметил Уэйд Баркли, когда дождь полил по-настоящему.

Кэтлин не удостоила его ответом.

Они въехали в огромную долину, где высокая трава пригибалась под ветром, где вдали врезались в небо поросшие соснами горы и водопад срывался с высоких черных скал серебряными брызгами. Многочисленные стада бродили по обширным пастбищам и уступам скал, по каменистым склонам вдоль лощин, и еще больше скота паслось у пестреющих цветами подножий гор.

Кэтлин заметила косулю, взбежавшую на вершину холма. Цвели прелестные цветы – маки, лютики, незабудки, они казались самоцветами на фоне дороги, свернувшей к ряду деревьев, которые раскачивались под порывами ветра. Потом дорога пошла вверх по пологому склону, и наконец он по-

явился перед ее взором.

Дом. Удивительный дом! Не маленькая квадратная хижина, которую Кэтлин ожидала увидеть и которую ей описывала мать много лет назад, а высокий, просторный, чудесный двухэтажный бревенчатый дом с большими окнами и покато́й крышей, окруженный хозяйственными постройками: загонами для скота, амбарами и сараями. Из трубы вился серебристо-серый дым, в окнах весело горел яркий свет. Крыльцо было длинное, выкрашенное в белый цвет, с навесом – Кэтлин разглядела его, когда повозка оказалась ближе, проехав по подъездной аллее, обогнув загон для скота и какое-то низкое здание, где стоящий в дверях ковбой с рыжевато-каштановыми волосами помахал шляпой Уэйд Баркли в знак приветствия.

Как только повозка остановилась у дома, ковбой немедленно подбежал к ней. Большая черная собака, две передние лапы которой были белые, залаяла с террасы и замахала хвостом, когда Уэйд соскочил со своего сиденья.

– Ладно, ладно, Маркиз. – Уэйд обошел повозку, чтобы снять сундук Кэтлин. Раздался очередной удар грома.

– Недурная погодка, Уэйд. – Ковбой ухмыльнулся, торопливо подходя к лошадям.

– Лучше не бывает, Рустер.

Уэйд помог Кэтлин сойти на землю. Он сделал это без малейшего усилия, словно она весила не больше котенка. Едва ноги ее коснулись земли, она отстранилась от него и напра-

вилась к крыльцу.

– Вы, наверное, мисс Саммерз. – Ковбой коснулся кончиками пальцев своей шляпы, и с полей ее полились струи воды. Некоторое время он обозревал роскошные формы Кэтлин, облепленные мокрым платьем, но все же стыдливость заставила его покраснеть. – Очень приятно познакомиться, мэм. Жаль только, что при таких обстоятельствах.

– Взаимно.

Кэтлин ступила на крыльцо, даже не взглянув на ковбоя и на собаку, которая обнюхивала ее башмаки и мокрый подол. Она намеревалась войти в дом как можно скорее, но когда оказалась здесь, у самого входа в бесценное ранчо ее отца, ноги отказались ей повиноваться. Кэтлин только и могла смотреть, похолодев, на огромную двустворчатую дверь из крепкого дуба и блестящий медный дверной молоток в виде лошадиной головы.

Это дом, в котором она родилась. Мать всегда говорила о нем как об очень маленькой хибарке.

Внезапно девушка поняла, что Риз Саммерз, должно быть, сохранил первоначальную бревенчатую постройку, где они жили с Лидией, и достроил остальные части дома, когда ранчо стало приносить доход. Когда осуществил свои честолюбивые замыслы, принесся в жертву жену и дочь.

Она с трудом сглотнула.

– Входите же. – Кэтлин вздрогнула, услышав рядом с собой низкий голос Уэйда Баркли. – Риза уже нет, вам не при-

дется с ним встретиться, – холодно сказал он.

Она ничего не смогла ему ответить. Вид этого дома, роковая роль, которую ранчо «Синяя даль» сыграло в ее жизни, так подействовали на нее, что она безуспешно пыталась заставить себя войти внутрь.

Многие годы ранчо «Синяя даль» и равнодушие отца отзывались болью в сердце Кэтлин – болью, которая не проходила ни на миг. И когда она приехала сюда, на это ранчо, значившее для отца больше, чем жена и дочь, боль эта, вызванная тем, что все это время он вел себя так, словно ее не существовало, вернулась вновь, заставив ее задаться вопросом: Насколько иной была бы ее жизнь, если бы Лидия не уехала отсюда или если бы Риз интересовался ее жизнью, поддерживая с ней связь?..

Иди же, сказала она себе, когда дождь начал захлестывать крыльцо, а ветер закрутил платье вокруг ног. Просто толкни дверь и войди.

– Что-то не так? – резко спросил Уэйд.

Кэтлин с трудом отвела взгляд от тяжелой двери и взглянула в его красивое нахмуренное лицо.

– Н-нет... вовсе нет.

Она заметила, что Рустер ведет лошадей к сараю, собака трусит следом за ним и теперь она осталась на крыльце одна с Уэйдом Баркли, а вокруг шумят дождь и ветер. Внезапно Кэтлин осознала, что он рассматривает ее фигуру, облепленную промокшим платьем. Ее груди, бедра – все четко вы-

рисовывалось под мокрым шелком. Синие глаза Уэйда сузились, и их острый блеск заставил ее вспыхнуть.

Ей захотелось ударить его. И убежать от него... и из этого дикого, безлюдного места.

– Вы проехали такой путь, чтобы вступить в права наследства, – сказал он, и в его голосе она ясно расслышала сдерживаемое негодование. Он оторвал взгляд от ее тела и внимательно всмотрелся в ее лицо.

– Разве вам не хочется посмотреть, где жил ваш отец и где он умер? Или вы брезгуете?

– Не смешите меня.

Губы его скривились, неожиданно он распахнул дверь и, прежде чем Кэтлин что-либо поняла, схватил ее за руку и втащил внутрь, после чего рывком затворил за собой дверь.

– Ну вот, вы благополучно и прибыли сюда. Добро пожаловать на ранчо «Синяя даль»!

Глава 3

Увидев просторный холл с дубовым полом, Кэтлин на мгновение утратила дар речи.

С этой минуты она совершенно забыла о Уэйте Баркли и его грубостью и неотесанностью. Ощущение комфорта, простора и тепла поразило ее. Значит, это и есть ранчо «Синяя даль» – этот большой дом с высокими балочными потолками и натертым до блеска деревянным полом и красивой мебелью.

Неожиданно словно комок застрял у Кэтлин в горле – она догадалась, что это помещение было когда-то единственной комнатой хижины. Комнатой, где она жила с матерью и Ризом Саммерзом.

Теперь это был великолепный холл. Дубовые полы были тщательно натерты, с потолка спускалась затейливая медная люстра, у стены стояли стол орехового дерева и квадратное зеркало. Широкая лестница вела на второй этаж.

Она глубоко вздохнула. В воздухе пахло лимонной политурой. И... жареной говядиной, поняла она. И свежим хлебом. Соблазнительное сочетание.

Она внезапно ощутила себя очень надежно и уютно, особенно когда увидела большие удобно обставленные комнаты, выходящие в холл: гостиную с акварелями в позолоченных рамках на стенах, с изящным каменным камином, кабинет с

висящими друг над другом книжными полками, с дубовым столом и огромным турецким ковром, покрывающим почти весь пол.

Да, пожалуй, ранчо «Синяя даль» – не примитивное спартанское жилище. На свой лад этот дом так же удобен и красив, как и их последнее жилище в Филадельфии.

И почему-то от этого ей стало опять тяжело дышать.

– Франческа! Мы приехали! – позвал Уэйд, поставив сундук Кэтлин у стола.

– Кто такая Франческа?

– Наша кухарка и экономка. А вот и она.

Впервые за все это время суровое лицо Уэйда смягчилось.

В холл торопливо вошла невысокая женщина; кожа у нее была оливкового цвета. На вид ей было лет пятьдесят с лишним, она казалась довольно привлекательной, с темными седеющими волосами, скрученными в тугой пучок на макушке, и волевым точеным лицом.

– Сеньор Уэйд! Господи, вы же вымокли до нитки, – нахмурилась она. Испанский акцент придавал особую живость ее речи. Она всплеснула руками, испачканными мукой, но едва ее взгляд упал на девушку, как вся ее ласковая заботливость исчезла. – А, значит, это и есть дочка сеньора, – пробормотала она.

Темные глаза Франчески, обрамленные густыми ресницами, оглядели Кэтлин с головы до пят. Во взгляде этом было явное неодобрение. Она фыркнула.

– Ради сеньора Риза, сеньорита, добро пожаловать. – Она произнесла эти слова весьма равнодушно, даже неприязненно. – Если хотите, я провожу вас в вашу комнату.

– Благодарю вас, – спокойно сказала Кэтлин. – Боюсь, что закапаю водой ваши великолепные полы.

– Хм. – Экономка с каменным лицом пожала плечами. – Вы не виноваты, что гроза. И потом, – добавила она, – мне сказали, что полы теперь принадлежат вам.

«И вы крайне недовольны этим», – подумала Кэтлин и повернулась к Уэйду:

– Я решила, что вы можете остаться, пока мы все не обсудим... и пока не кончится гроза. После чего я хочу, чтобы вы немедленно покинули мое имение.

– Не может быть.

– Может.

Кэтлин говорила надменно, но, внезапно заметив, что его льняная рубашка намочила, как и ее платье, несколько сбавила тон. Мокрая ткань облепила мускулы его торса и рук – и какие же развитые у него мускулы, тут же подумала она. Такую мускулатуру можно нарастить и поддерживать только при ежедневной тяжелой работе. Кэтлин почувствовала, что у нее перехватило дыхание. Не смотри на него, велела она себе и решительно перевела взгляд с мощного тела Уэйда на его лицо. На его мрачное, спокойное, красивое лицо.

– Будьте добры, отнесите сундучок в мою комнату. Это будет моим последним поручением.

– Боюсь, избавиться от меня будет не очень легко, мисс Саммерз.

– Посмотрим.

– Совершенно с вами согласен. – И, подняв сундучок, он прошел мимо нее к лестнице. – Встретимся в кабинете Риза через час. Не заставляйте меня ждать – нужно обсудить завещание до обеда.

Кэтлин досадливо поморщилась. Можно подумать, что он – владелец ранчо «Синяя даль», а не ковбой, с возмущением отметила она. Тем временем Уэйд уже поднимался по лестнице, шагая через ступеньку, а потом исчез за углом.

Ладно, скоро она положит конец этой самонадеянности.

– Пойдемте, сеньорита. – Экономка жестом указала на лестницу. – Вы, должно быть, устали с дороги. Сеньор Риз хотел бы, чтобы вы отдохнули.

«Устала» – это было слишком слабо сказано о том, как она себя чувствовала. Она опасалась, что нервы ее не выдержат, такими противоречивыми были впечатления сегодняшнего дня. Кэтлин пошла за Франческой вверх по лестнице – ее комната была расположена на втором этаже. Уэйда нигде не было видно, но дверь была приоткрыта, и ее сундучок стоял посреди комнаты на полу, рядом с кроватью с четырьмя медными столбиками для балдахина.

– Я принесу вам горячей воды, чтобы умыться, – отрывисто сказала Франческа, остановившись на пороге. – Потом мне нужно вернуться на кухню.

И она хотела уйти.

– Подождите, Франческа, – сказала вдруг Кэтлин. Экономка остановилась и посмотрела на нее своими темными глазами.

– Кажется, вы не очень рады моему приезду. Экономка пожала плечами.

– Не понимаю почему, ну да это и не важно. Я здесь надолго не задержусь – мне нужно только продать ранчо.

Наступило молчание, во время которого Кэтлин слышала только шум дождя и свист ветра за окном. Франческа медленно покачала головой.

– Дело не в том, рада я или нет видеть вас, сеньорита. Это меня не касается. – Она выпрямилась. – Просто вам понадобилось слишком много времени, чтобы приехать сюда. Вот и все.

И прежде чем Кэтлин успела что-либо ответить, она вышла в холл.

С глубоким вздохом Кэтлин закрыла дверь и прислонилась к ней. Комната была большая, с широким окном, задернутым чистыми белыми занавесками, на кровати лежало толстое стеганое одеяло желтого цвета. Все выглядело красивым и новым. Огонь, горящий в маленьком камине напротив окна, сразу же поманил ее к себе. Наверное, его разжег Уэйд Баркли, когда принес ее сундучок.

Дрожа, Кэтлин поспешила к пляшущему жаркому пламени и принялась стягивать с себя мокрую одежду.

Пожалуй, этот человек не так уж плох, подумала она, исполняя благодарности за этот добрый жест и стараясь быть справедливой, но потом покачала головой. Нет, плох. Что ни возьми, все плохо. Он красив так, что словами этого не выразишь, груб до невозможности, высокомерен и до смешного любит командовать. Меньше всего на свете ей нужен человек, который постарается управлять ею, – этого с нее достаточно. Ни один мужчина больше никогда не будет властвовать над ней, поклялась Кэтлин, наклоняясь поближе к огню. Она продрогла до костей и жаждала тепла.

Внезапно ей вспомнился отвратительный Доминик Трент с торжествующим выражением на лице в ту ночь, когда он, решив, что загнал Кэтлин в угол, хотел взять ее силой...

Она вздохнула и отогнала омерзительные воспоминания. Доминик Трент дорого заплатил за то, чтобы понять – ее не так-то просто заставить покориться. Уэйд Баркли тоже скоро поймет это.

Растирая руки, чтобы согреть их, Кэтлин принялась размышлять о том, что ждет ее впереди. Она разберется с этими неожиданными сложностями и велит Уэйд Баркли складывать пожитки и без лишних слов убираться с ее ранчо.

А потом отправится назад, на восток, к Бекки. Может быть, если все пойдет хорошо, ей все-таки удастся уехать завтра.

Что бы ни сказал и ни сделал Уэйд Баркли, это ее не остановит.

– Ранчо принадлежит не только мне? Что вы хотите этим сказать? – Кэтлин сидела на зеленом кожаном диване, занимавшем всю стену кабинета Риза Саммерза, и смотрела на Уэйда с таким изумлением, словно не веря своим ушам. – Это, должно быть, какая-то ошибка!

– Никаких ошибок. Смотрите сами.

Он открыл ящик стола, достал толстый пакет с бумагами и подал ей.

Но когда он протянул документы, Кэтлин молча уставилась на него, боясь прикоснуться к завещанию, словно это была змея.

Сойдя вниз, чтобы встретиться с Уэйдом Баркли, она считала, что готова ко всему. Она умылась, причесалась, уложила волосы на затылке в гладкую безукоризненную прическу, надела платье из темно-синего шелка с узкими рукавами, ожерелье из жемчуга и граната и такие же изящные серьги. Посмотрев на свое отражение, Кэтлин почувствовала себя сильной и уверенной, готовой преодолеть любые трудности, которые встретятся на ее пути, но когда она вошла в кабинет Риза, самообладание оставило ее. Слабый запах сигарного дыма, витавший в воздухе, вызвал смутные воспоминания – очень далекие приятные воспоминания о том, что ее держат на руках и убаюкивают, что она счастлива и защищена и что чей-то низкий голос разговаривает с ней, даже что-то поет...

Кэтлин решительно отогнала их прочь. Они ей ни к чему.

Они ничего не значат.

Запах сигарного дыма растаял. Но тут Уэйд Баркли ошеломил ее своим сообщением, и остатки самообладания покинули ее.

Она смотрела на толстый пакет с бумагами, который Уэйд держал перед ней, и чувствовала, что руки у нее стали холодными и влажными.

– Вы будете читать или нет? Кэтлин схватила бумаги.

– Не будете ли вы так добры сказать мне, кто еще становится владельцем ранчо? – выпалила она.

– С удовольствием, мэм. – Уэйд невозмутимо встретил ее пылающий взор. – Я.

Она похолодела с головы до пят. – Вы?!

– Верно. – Он подошел к письменному столу и прислонился к нему, небрежно сунув большие пальцы в карманы. – Я. И мои братья. Клинт и Ник Баркли.

– Братья? Вы хотите сказать, что на этом свете существуют еще такие же, как вы?

– Вы хотите узнать насчет завещания или нет?

– Продолжайте, – бросила она, чувствуя, что ее охватывает паника, и, чтобы немного успокоиться, стала смотреть в окно.

Уэйд взял со стола карандаш и принялся перекачивать его в пальцах. Когда он заговорил, голос его звучал спокойно и твердо.

– Фактически Риз оставил вам сорок процентов ранчо

«Синяя даль». И мне столько же. А Клинту и Нику – по десять процентов. – Он взглянул на Кэтлин, но было невозможно рассмотреть выражение его глаз в неярком свете кабинета. – Это значит, что братьям Баркли ранчо принадлежит на шестьдесят процентов, принцесса, а вам только на сорок.

– Я умею считать! – выпалила она. Голова у нее закружилась. – Мой отец никогда бы этого не сделал! – Она вскочила с дивана. – С какой это стати он оставил ранчо своему ковбою?

Уэйд какое-то время изучающе рассматривал ее. В окно барабанил дождь, вытер выл, как волк.

– Потому что я больше, чем ковбой. Я был... и остаюсь... его сыном.

Ее зеленые глаза метнулись к его худому, жесткому лицу, недоверчиво рассматривая его.

– Мне говорили... он больше не женился...

– Нет, не женился. Он меня усыновил. И Клинта, и Ника. Когда мы были совсем маленькими. Он вырастил нас троих как своих сыновей.

Кэтлин смотрела на него, утратив дар речи. Каждое его слово ударяло ее, как камень.

– Риз Саммерз был лучшим из отцов, какой только мог у нас быть, – спокойно продолжал он. – Мы осиротели, когда мне было одиннадцать лет. Клинту было девять, а Нику... Нику всего семь. Он взял нас к себе, дал нам дом, научил, как работать на ранчо... и множеству других вещей. – Уэйд

замолчал, но до того она успела заметить боль в его голосе – он скорбел из-за потери Риза Саммерза. Потом он откашлялся и продолжал голосом твердым и ровным:

– Оказалось, что только я разделял его страсть к этой земле, к этому ранчо. Поймите меня правильно – Клинт и Ник любят ранчо «Синяя даль». Они здесь выросли, считают его своим домом, но захотели пойти другими путями. Риз дал им благословение, но все же ему хотелось, чтобы и они считали этот дом своим.

Он положил карандаш на стол, перевел тяжелый взгляд на Кэтлин и продолжал:

– Ваш отец, мисс Саммерз, был прекрасным человеком. Самым лучшим из всех, кого я знал. Я горжусь, что могу называть его своим отцом.

Наступило молчание, сопровождаемое торопливой дробью дождя. Кэтлин попыталась заговорить.

– Он... взял вас к себе... вас троих... оставил это ранчо вам...

Ей стало не по себе. Внезапно колени у нее подогнулись, и она опять опустилась на диван, чувствуя, что почти не может дышать.

Риз Саммерз не ответил ни на одно из ее писем, отказался повидаться с ней, даже не прислал ей свою фотографию – но при этом усыновил троих чужих мальчишек. Он вырастил их как своих детей, завещал им большую часть ранчо – и ни разу не поинтересовался, как живет его родной дочери.

Боль, острая, как нож, пронзила ее и смешалась с бешеным негодованием. Дрожащими пальцами она стиснула завещание.

– Я его ненавижу, – прошептала Кэтлин. Губы у нее дрожали. – Я рада одному – что не затруднила себя приездом к нему, когда он в конце концов надумал за мной послать!

Уэйд в два прыжка подскочил к ней. В следующий момент ее схватили, подняли с дивана, и оказалось, что ее держат так крепко, что вырваться нет никакой возможности. Завещание выпало из ее пальцев. Она была потрясена, увидев ярость в глазах Уэйда, и, чувствуя, как напряжен каждый мускул его рослого сильного тела, понимала, что он охвачен негодованием таким же гневным, как и она сама.

– Хватит, – сказал он предостерегающе.

– Пустите меня!

– Пущу, когда будет нужно. Нам предстоит кое-что выяснить.

– Вы делаете мне больно, – выдохнула Кэтлин и увидела, что глаза его скользнули вниз, туда, где его руки сжимали ее плечи. На мгновение их железная хватка ослабла, но затем его пальцы скользнули к ее запястьям, стиснув их, словно тисками.

– Я уже предупреждал вас. Я не желаю слышать о нем ни одного дурного слова.

– Я буду говорить то, что мне угодно.

– Не в этом доме и не мне.

Кэтлин попробовала высвободиться, но не смогла. Уэйд мрачно улыбнулся.

– Так хотите прочесть остальную часть завещания или нет?

– Чего я хочу, так это чтобы вы меня отпустили!

– С удовольствием, мисс Саммерз.

Это было сказано с презрением, но когда она посмотрела ему в лицо, то увидела в его глазах нечто большее, чем презрение. Они горели каким-то сильным чувством, которое могло быть отчасти гневом, а возможно, чем-то еще – чем-то не поддающимся определению, но от чего по ее телу пробежала жаркая волна и сердце по какой-то необъяснимой причине забилось часто-часто.

– Так отпустите же меня, – прошептала она, сознавая его силу, его душевное состояние и вполне ощутимый жар, пульсирующий между ними. Грозное выражение его глаз хлестнуло ее, словно бичом.

Уэйд хотелось отпустить ее. Черт, он и намеревался ее отпустить, но продолжал удерживать, на мгновение утонув в этих бездонных зеленых глазах. Забылся, глядя на соблазнительные выпуклости под красивым облегающим платьем. Опьянел от исходящего от нее сладкого запаха диких фиалок.

Но сама Кэтлин Саммерз совсем не дикая, напомнил он себе, и, уж конечно, отнюдь не сладкая. Избалованная девица, привыкшая ко всяческим удовольствиям, которая только

и знает, что топтать ножкой, раздавать приказания и обожать себя. Девушка, которая разбила сердце Ризу.

Он отпустил ее, его большие пальцы снова оказались в карманах штанов.

– Запомните, что я сказал.

Как могла Кэтлин забыть? Каждое слово, которое он говорил о ее отце, о братьях Баркли, было словно выжжено у нее в мозгу.

Кэтлин быстро подошла к камину, пытаясь собраться с мыслями, и в этот момент увидела две фотографии, стоявшие рядышком на каминной полке.

Одна была в бронзовой рамке – фотография Кэтлин в детстве, сидящей на коленях у матери в кресле с цветастой обивкой. На другой три юноши-подростка, стоящие рядом с красивым широкоплечим мужчиной, с напряженными лицами позировали перед фотоаппаратом, держа в пальцах сигары.

Риз Саммерз и братья Баркли.

Кэтлин резко отвернулась от фотографии, хотя ей хотелось получше рассмотреть ее, изучить человека, который был ее отцом и любви которого она за всю свою жизнь ни разу не почувствовала, но делать это в присутствии Уэйда Баркли не намеревалась.

– Значит, мы вдвоем... нет, вчетвером владеем ранчо «Синяя даль», – сказала она, сердито блестя глазами. – Чудесно. Я делаю вам выгодное предложение – я продам вам

свою долю.

Он снова прислонился к столу, холодно глядя на нее.

– Нет.

Ливень за окнами внезапно превратился в тихий шелест. Ветер переменился. В освещенном огнем кабинете Риза Саммерза, где книги, бумаги и графины с виски выстроились на полках, где еле уловимый запах табака все еще смешивался с запахом старой кожи, повисла гнетущая тишина. Лицо Уэйда Баркли напоминало неподвижную маску, глаза безжалостно смотрели на Кэтлин, будто подтверждая его ответ, а Кэтлин в отчаянии умоляюще смотрела на него.

– Почему же нет? Я ничего не знаю о том, как управлять ранчо, и мне это неинтересно. Я... у меня своя жизнь, там, на востоке. – Это была не совсем ложь, хотя жизнь ее была вовсе не такой блестящей, как он, должно быть, решил.

– Я думаю, – продолжала она, стараясь, чтобы он не заметил, насколько все это важно для нее, – вы не захотите, чтобы я вмешивалась в ваши решения, говорила, как делать то или это... – Она подыскивала слова. – Или вообще мешала вашему делу.

– Полагаю, теперь это и ваше дело тоже.

– Но вы же не захотите, чтобы я стала вашим партнером!

– Попали в точку, леди. Только важно не то, чего хочу я, а чего хотел Риз. И по какой-то причине – черт меня побери, если я это понимаю, – он хотел, чтобы вы жили здесь.

Кэтлин бросилась к нему, охваченная желанием сделать

что-нибудь, только бы с его лица исчезло это жесткое, каменное выражение.

– Он так поступил со мной нарочно, чтобы разрушить мою жизнь. Неужели вы этого не видите? Он был мстительный, злой человек – мстительный потому, что моя мать покинула его, потому что она уже тогда ненавидела это место точно так же, как я ненавижу сейчас! Он решил наказать меня за то, что она оказалась остаться на этом проклятом ранчо, в этих диких краях, и теперь я должна...

Она осеклась, потому что Уэйд отошел от стола и наклонился над ней с выражением холодной ярости на лице. Она инстинктивно отступила назад, готовясь снова почувствовать на себе его сильные руки. Но Уэйд, наверное, заметил страх, вспыхнувший в ее глазах, и понял, что если еще раз коснется ее в гневе, то может не совладать с собой. И он сдержался, но его голос был исполнен тихой угрозы.

– Хватит.

Кэтлин с облегчением вздохнула.

– Разрешите мне продать мою долю. – Голос ее задрожал. – И вы избавитесь от меня навсегда! Разорите ранчо в пух и прах – мне все равно!

Блестящие зеленые глаза умоляюще смотрели на него. Глаза, устоять перед которыми было почти невозможно. И эти золотые, как у ангела, волосы, так гладко зачесанные назад. Уэйд почувствовал, как у него внезапно пересохло во рту, и подумал: каково это будет, если она когда-нибудь их

распустит.

Проклятие! Она так хороша, так изящна! Ему захотелось придушить ее.

– Давайте говорить напрямик. Я никогда не позволю вам сделать что-нибудь такое, из-за чего ранчо «Синяя даль» придет в упадок. Решения здесь принимаю я. Я управляю ранчо.

– Нет, не только вы, поскольку отказываетесь купить мою долю. – Вдруг лицо Кэтлин озарилось надеждой. Решение проблемы показалось ей таким ясным, что она поразилась, как это не пришло ей в голову до сих пор. – Я продам свою долю кому-нибудь другому, – прошептала она. И чуть не рассмеялась от облегчения. – Когда адвокат приедет, я велю ему подготовить все документы. Он поможет мне найти человека, который даст самую большую цену, и тогда вы и ваши братья останетесь совладельцами ранчо и будете иметь дело с чужим человеком в качестве партнера, а целиком ранчо вам принадлежать не будет.

Уэйд подошел к камину и оперся о него плечом.

– Вы не поняли условий завещания, мисс Саммерз, так что позвольте мне все объяснить. Вы не можете продать свою часть ранчо постороннему человеку, не получив согласия моего и обоих моих братьев. А этого вы никогда не добьетесь. Надеяться вы можете только на то, чтобы продать долю одному из нас. А никто из нас не купит вашу долю – только через год.

– Через год? Но почему... – Кэтлин была совершенно сбита с толку.

– Риз хотел, чтобы вы прожили здесь год. Не спрашивайте почему, но так он написал, вот здесь, черным по белому. Если вы захотите через год продать вашу долю мне, Нику или Клинту – или всем троим, – я ее выкуплю.

– Я не могу остаться здесь на год... я не хочу...

– Забыл упомянуть, – холодно продолжил Уэйд. – Пока вы будете жить здесь, то каждый месяц станете получать неплохое пособие. По-моему, Риз наградил вас чертовски щедро. Хотя, судя по вашему виду, вы ни в чем не нуждаетесь, – добавил он, окидывая взглядом ее ожерелье, серьги и темно-синее шелковое платье. – Сдается мне, у вас и так есть всякие побрякушки и безделушки, какие вам хочется, но я полагаю, что женщинам вроде вас всегда хочется чего-то еще.

Уэйд так произнес слова «женщинам вроде вас», что они прозвучали как оскорбление.

Он совершенно не понимает, каково ей сейчас живется и через что она уже прошла. И никогда этого не узнает.

Если людям известны ваши слабые стороны, они либо жалуют вас, либо пытаются использовать – таков один из уроков, которые Кэтлин получила в Филадельфии. И дался ей этот урок весьма дорогой ценой.

Кэтлин задумалась над словами Уэйда о ежемесячном пособии. Если она остается на ранчо, то будет каждый месяц

получать деньги. Щедрую сумму. Кэтлин показалось, что вокруг ее горла медленно затягивается петля и она вот-вот задохнется. Ей нужны были деньги, и нужны немедленно. Она задолжала за последний семестр обучения и за стол Бекки в Давенпортском пансионе. Она задолжала слугам, работавшим у них в филладельфийском доме, которых уволили, не выплатив жалованья, после того, как банком были выплачены другие долги Джиллиса Тамарлейна. Ей нужно было купить билеты на поезд для себя и для Бекки, чтобы можно было уехать из Филадельфии, и нужно еще было на что-то жить, пока она не сможет найти работу – возможно, гувернантки или продавщицы – на новом месте.

И вот теперь Уэйд Баркли говорит, что ей придется остаться на ранчо вместо того, чтобы получить деньги за свою долю.

– Как велико это... ежемесячное пособие? – Она старалась говорить спокойно. Пусть думает, что деньги пойдут на шляпки и ленты.

– Достаточно. Более чем достаточно, даже для вас, я считаю.

– Я хочу прочесть завещание.

– Нет проблем. – Он отошел от камина, присел на корточки и достал документы, которые упали под стол, когда он схватил ее. В тот момент, когда он протянул завещание Кэтлин, в дверях появилась Франческа.

– Все готово, сеньор Уэйд.

– Идите в столовую, Франческа. Спасибо. – Он провел рукой по волосам и бросил на Кэтлин острый взгляд. – Пора обедать. Пошли?

Кэтлин, развернув бумаги, внимательно вгляделась в ровные черные строчки.

– Нет. Я не голодна.

– Маккейн завтра будет здесь. Он все вам объяснит.

– Я предпочитаю прочитать сама.

На мгновение Уэйд показалось, что в голосе ее прозвучали панические нотки. Интересно, о чем ей беспокоиться? Огорчаться есть из-за чего. Злиться – тоже. Это он понимает. Ей не нужно ранчо – ее интересуют только деньги, которые оно может принести. Она принадлежит к людям, которые преклоняются перед деньгами и тем, что на них можно купить. И вдруг она узнает, что с продажей придется подождать. Естественно, что от этого ее великолепные планы рухнули, как карточный домик.

Но голос у нее был почти... испуганным. Он внимательно посмотрел на Кэтлин. Нижняя губа у нее дрожала.

– Может, хотите глотнуть виски? – предложил Уэйд.

– Я уже говорила. – Она все еще не отрывала глаз от завешания. – Я не пью виски.

– Верно. Говорили.

Он украдкой бросил на нее взгляд. Кэтлин обошла письменный стол, упала в глубокое кресло Риза, обитое темно-бордовой кожей, и снова стала внимательно просматри-

вать текст.

Она так сосредоточилась на этом, что даже не заметила, как Уэйд вышел.

Длинный стол с красивой резьбой, стоявший в столовой, был накрыт для двоих, но пока Франческа подавала деревянные тарелки с толстыми кусками мяса в густой коричневой подливке, картофельным пюре и зелеными бобами с маслом, Уэиду пришло в голову, что в конечном счете хорошо, что мисс Кэтлин Саммерз не пришла обедать, – без нее было куда спокойнее.

Ему не очень нравилось обедать одному. С тех пор как умер Риз, с ним разделяли трапезы либо Клинт, либо Ник, а когда они уехали, он зачастую ел с работниками у них в доме или у друзей и соседей. Чаще всего его приглашала к себе новая учительница из Серебряной долины, Луанн Портер. Когда он сидел здесь, за этим столом, то слишком часто вспоминал Риза – их ежедневные семейные обеды, когда они разговаривали, спорили, строили планы относительно ранчо. Большой дом казался каким-то пустым без человека, который построил его, но в этой комнате это ощущалось особенно.

Стряпня Франчески была, как всегда, восхитительна. Обед Уэйд закончил горячим кофе и яблочным пирогом. Кэтлин так и не появилась – странно, ведь после своего путешествия она наверняка умирает с голоду. Но очевидно, упрямство в ней преобладало над рассудком. Уэйд нахму-

рился, вспомнив ее решимость прочесть завещание самостоятельно. Если она надеется найти способ продать ранчо, не выполнив условия Риза, то будет разочарована. Уэйд все просмотрел вместе с Ризом, строчку за строчкой, и обещал ему, что все будет сделано точно в соответствии с его пожеланиями. Он ни за что не станет покупать у Кэтлин ее долю и не позволит ей продать ее Нику или Клинту, пока не пройдет один год.

Подобрав остатки пирога с тарелки, Уэйд поднялся и направился в кабинет. Он нашел девушку по-прежнему сидящей в кресле Риза, внимательно всматривающейся в лежащие перед ней страницы.

– Если вы голодны, остатки ужина можно найти на кухне.

– Я не голодна. – Уэйд увидел в ее глазах усталость и понял, что она побеждена.

– Я пойду к себе.

Кэтлин медленно прошла мимо него, стиснув в пальцах бумаги, ее плечи утомленно поникли. Сколько же раз она намеревается перечитать завещание, пытаясь отыскать выход?

– Здесь, на ранчо, не так уж и плохо, – заметил он и увидел, как напряглась ее спина. – Восходы очень красивые, да и закаты тоже. Зимы суровые, но, черт побери, сейчас еще только весна. Вам долго не нужно будет опасаться холодной погоды.

Кэтлин молча смотрела на него. Уэйд рассчитывал, что слова облегчат боль, которую он читал в ее глазах, но, судя

по всему, боль стала еще сильнее. Внутри у Уэйда все жалось. Кэтлин совсем не походила на Риза. Ее интересовала только цивилизованная беззаботная жизнь – мир, который она знала с детства. Если Риз хотел что-то затронуть в ней, заставить полюбить эту землю, открытые просторы, небо, ветер и суровую красоту долины, которые так любил сам, то он потерпел поражение. Совершенно ясно, что, когда пройдет год, она продаст свою долю.

Если только Кэтлин не жадна по-настоящему, она не останется здесь даже до завтрашнего вечера, вдруг подумал он. Она пожертвует своей сорокапроцентной долей и вернется на восток, к своим богатым друзьям и красивому дому.

– Я хочу видеть мистера Маккейна, как только он завтра появится, – тихо сказала Кэтлин. Глаза ее были полны невыразимой грусти, и Уэйду почему-то стало от этого не по себе.

– Располагайтесь. Спокойной ночи.

Она вышла, оставив после себя слабый запах фиалок.

Войдя в свою комнату, Кэтлин сморгнула слезы. Дождь кончился. Она открыла окно и глубоко вдохнула горный воздух, стараясь успокоиться. Ей хотелось снова перечитать завещание, но она была вконец измучена. Это можно сделать и завтра.

Завтра, подумала она, сжимая пальцами виски. Завтра она что-нибудь придумает, найдет выход. Не может она остаться в Вайоминге на год, не может! Ей нужны деньги – вся сумма целиком – и немедленно!

Конечно, пособие за первый месяц помогло бы ей, но ведь до пособия еще нужно дожить. И как быть с Бекки? Нельзя же тащить сестру сюда, в это Богом забытое, ужасное, безлюдное место, на многие мили отстоящее от крохотного городишки.

Когда Кэтлин наконец улеглась, ее охватило чувство безнадежности. Она думала, что не сможет уснуть, потому что уже и не помнила, когда в последний раз спала крепко и хорошо, – каждую ночь, преследуемая своими заботами о будущем, она ворочалась без сна, но сегодня, убаюканная песнями бесчисленных кузнечиков, потоками влажного, сладко пахнущего горного воздуха и пьянящим молчанием пустыни Вайоминга, она уснула мгновенно и не пошевелилась до утра.

Глава 4

Кэтлин не сразу поняла, где она.

Лежа на мягкой подушке и глядя в потолок, она вдыхала чудесный воздух, пахнувший хвоей, и нежилась на прохладных простынях, ласкающих кожу. До ее слуха долетели какие-то отдаленные звуки. Конское ржание. Птичьи трели. Мужские громкие голоса. Хлопанье двери, радостный собачий лай.

Ранчо «Синяя даль»!

Она села, пригладила волосы.

Комнату заливали бледно-золотые лучи солнца, освещая бюро, выкрашенное белой краской, блестя на отделанном бахромой розово-голубом ковре, покрывавшем почти весь деревянный пол, и легко скользя по одеялу нежными нитями.

Белые занавески развевались от легкого ветерка. Кэтлин спрыгнула с кровати и босиком подбежала к окну.

Открывшийся ее взгляду пейзаж подействовал на нее ошеломляюще. Вчера она видела ранчо сквозь серую пелену дождя, сегодня же увидела в полном освещении – долина, представшая перед ее глазами, сверкала и переливалась в ярких солнечных бликах.

У нее перехватило дыхание. Серо-голубые горы в отдалении, разрезанные водопадами, их высокие величественные вершины, закутанные в шали из сосновых лесов и увенчан-

ные снегом, искрившимся в утреннем свете. Предгорья, усеянные аметистовыми цветами, огромная зеленая холмистая равнина, теряющаяся вдали в утренней дымке.

Все в Кэтлин затрепетало. Она глубоко вдохнула воздух, пахнувший цветами и свежестью, увидела крупную черную собаку, бегущую от загонов для скота к равнине, и ощутила, как сердце у нее сжалось.

Красивое место, этого нельзя отрицать. Более чем красивое – просто великолепное! Впервые в жизни она почувствовала некую связь с отцом, которого не видела с тех пор, как была ребенком. Теперь ей нетрудно понять, почему Риз Саммерз любил эту величественную, безлюдную, суровую землю.

Но понять, почему он предпочел эту землю жене и дочери, она не может.

Да, долина, с ее чудесными цветами, оленями, горами и искрящимися водопадами, обширными золотисто-зелеными пастбищами, манящими своим ветром и солнцем, восхитительна, но ее не соблазнишь.

Она здесь по делам и к концу этого дня уедет, так или иначе договорившись о продаже своей доли ранчо.

Кэтлин отошла было от окна, как вдруг заметила Уэйда, выходящего из сарая. Он направился к загону, где резвился высокий чалый жеребец, и что-то прокричал нескольким своим помощникам, проезжающим мимо верхом.

Он казался красивее, чем вчера, в рабочей рубашке тем-

но-синего цвета, темных штанах и сапогах. На поясе висела кобура, за плечами – пара ружей, лицо наполовину закрывал черный стетсон.

Сердце у нее бешено заколотилось.

Похоже, он чувствует себя совершенно как дома среди этого грубоватого, шумного, суматошного окружения.

А почему бы и нет, сердито спросила себя Кэтлин, резко отворачиваясь от окна и принимаясь за свой туалет. Он здесь вырос, он сын Риза Саммерза. Для него это место – родной дом.

А у Бекки и у нее дома больше нет – никакого вообще. Эта горькая мысль укрепила ее решимость найти способ продать свою долю. После завтрака она продолжит изучать завещание.

В доме было прохладно и тихо, никого не было видно. Внизу, в столовой, тоже было пусто. Франческа возилась на кухне, в руках у нее было тесто.

– Сеньор Уэйд и работники позавтракали несколько часов назад, – буркнула она в качестве приветствия, положила тесто в металлическую сковороду и вытерла руки о передник. – Сейчас я приготовлю вам новый завтрак.

– Не беспокойтесь, – холодно сказала Кэтлин. В желудке у нее забурчало от голода, но она понадеялась, что женщина ничего не слышит. – Я подожду до ленча.

Франческа фыркнула.

– Нет, сеньорита. Что подумал бы сеньор Риз, если бы

узнал, что я не кормлю его дочку как следует? Вы получите оладьи, яйца и тосты, как и все остальные. Но завтра приходите пораньше, поедите вместе с сеньором Уэйдом – Тут она сделала гримасу и неохотно добавила сквозь стиснутые зубы: – Если это угодно сеньорите.

– Надеюсь, завтра меня здесь не будет. – Кэтлин села на скамью, стоявшую у стола, и подкрепилась апельсином, взяв его из глиняной миски. – Я уеду после того, как повидаюсь сегодня с мистером Маккейном. Вы не знаете, когда его ждут?

Женщина, молча пожав плечами, покачала головой. Кэтлин больше не пыталась вовлечь ее в разговор. Очевидно, Франческа отрицательно относилась к ее пребыванию здесь и не хотела, чтобы она оставалась на ранчо больше, чем нужно. Ну что же, и прекрасно! Теперь единственное, что оставалось, – это отыскать способ продать свою долю – и можно ехать.

К тому времени, как Кэтлин очистила тарелку с яичницей-глазуньей, беконом, толстыми кусками хлеба, к которому Франческа подала прекрасное свежее масло и засахаренную клубнику, и выпила крепкий кофе с сахаром, она почувствовала себя полной сил и готовой к сражению. И что самое главное, у нее появился некий план.

Завидев лошадь с повозкой, трусившую по длинной аллее, Кэтлин поспешила поближе к окну.

– Мистер Маккейн, – окликнула она высокого и худого,

как жердь, человека в хорошо сшитом черном костюме, выходя из парадной двери ему навстречу.

– Да, мисс Саммерз. – Повозка остановилась, и адвокат прикоснулся к полям шляпы. На нем были очки в золотой оправе, едва не падавшие с его тонкого носа. – Извините, что не смог встретиться с вами вчера. Полагаю, сейчас будет удобно?

Она уверила, что время вполне ей подходит, и торопливо провела его в гостиную. Кэтлин надеялась, что Уэйд Баркли окажется где-то вне дома и ей не нужно будет терпеть его присутствие при этой встрече, но надежда эта растаяла – он появился в дверях, едва она пригласила мистера Маккейна сесть на диван, набитый конским волосом.

– Привет, Эбнер, – весело сказал Уэйд. – Мисс Саммерз. Поверенный подошел к нему, чтобы пожать руку, а Кэтлин ограничилась сдержанным кивком. Потом, извинившись, что ей нужно принести завещание из своей комнаты, она прошла мимо Уэйда с таким видом, словно его не существует.

Когда Кэтлин вернулась, Уэйд заметил в ее глазах решительный блеск. Она снова прошла мимо, даже не взглянув на него, и послала поверенному ослепительную улыбку.

– Нам нужно многое обсудить, – заявила девушка. Грациозно опустившись в мягкое кресло с подголовником, стоявшее напротив дивана, где уселся поверенный, она красиво расправила темно-зеленую юбку, которую надела вместе

с нежной отороченной кружевами белой шелковой блузкой, и одарила очкастого юриста милой беспомощной улыбкой. – К сожалению, мистер Маккейн, касательно завещания моего отца возникли сложности. Оно меня совершенно не устраивает. – Кэтлин слегка наклонилась вперед, и ее грудь натянула белую ткань блузки. – Но я уверена, что вы-то уж найдете, как мне помочь.

– Вам уже известно его содержание? – Вид у поверенного был немного удивленный.

– Я ей сказал, – заговорил Уэйд, стоявший у камина. На ледяной взгляд, брошенный на него Кэтлин, он не обратил ни малейшего внимания. – Дал ей почитать вчера вечером свой экземпляр. Думаю, что теперь она знает, о чем там говорится, не хуже вашего, Эбнер. Наверное, запомнила наизусть. Просто оно ей не очень понравилось.

– Понятно. Итак...

– Конечно, человек с вашим опытом сможет мне помочь, – быстро сказала Кэтлин, и снова на лице ее появилась милая улыбка. – Я знаю, у вас доброе сердце, и вы посочувствуете моим трудностям. Я, разумеется, не отказываюсь от наследства – наследства, которое мой отец пожелал оставить мне, – но я не могу остаться в Вайоминге на год.

Уэйд Баркли прислонился к камину, скрестив руки на груди и глядя на Кэтлин. Он и раньше видел, как женщины пытаются подействовать на мужчину своими чарами, но ни одна не делала это так виртуозно, как эта. Маккейн, ясное

дело, будет плясать под ее дудку, прежде чем они проберутся через первый параграф, но это ей не поможет.

Завещание не подлежит изменению. Разве только...

Внезапно он напрягся, вознеся мольбу к Господу, чтобы поверенный не проговорился.

Эбнер Маккейн вынул из кожаной папки свой экземпляр завещания, поправил очки и слегка покраснел, рассматривая прекрасную дочку своего покойного клиента.

– Я постараюсь помочь вам всем, чем могу, мисс Саммерз.

– Я знала, что вы не откажете мне, – тихо сказала Кэтлин, и в ее глазах, обращенных на него, появилась уверенность.

Он покраснел еще больше.

– Начнем? Полагается прочесть все завещание вслух.

– В этом нет необходимости. – Уэйд расслышал в ее тоне нетерпеливую нотку, но она тут же одернула себя и заговорила голосом, еще более сладким, чем прежде. Такой дозой даже бык может поперхнуться.

– Я знаю, что говорится в завещании, мистер Маккейн. Мистер Баркли объяснил мне все, и, кроме того, я внимательно прочла его сама. Но теперь мне нужно знать, что вы можете сделать, чтобы изменить его.

Он потрясение посмотрел на нее.

– Изменить? Это невозможно. Я не могу изменить ничье завещание. Мне поручено выполнить пожелания вашего отца...

– А как же мои пожелания? – Кэтлин позволила своему

голосу задрожать. – Прошу вас, мистер Маккейн, ведь мое будущее в ваших руках. Я не могу остаться здесь на год. Это невозможно. Всякому ясно, что мне здесь не место. И мистер Баркли явно не хочет, чтобы я жила здесь.

– Конечно, он хочет. Он должен отнестись с уважением к воле мистера Саммерза, так же, как и я. – Он бросил на Уэйда удивленный взгляд и был вознагражден фырканьем.

– Насколько это зависит от меня, она останется, – отрывисто сказал Уэйд. – Но это еще не значит, что я этого хочу.

– Ну если вы не хотите, чтобы она жила здесь, вы знаете, что это можно уладить...

– Эбнер! – резко оборвал его Уэйд. Он выпрямился и уставился на Маккейна своими холодными синими глазами. Поверенный внезапно сглотнул. – Я хочу, чтобы она здесь жила, – медленно и многозначительно проговорил Уэйд.

Кэтлин внимательно посмотрела на него. Лжец, презрительно подумала она. Потом снова повернулась к поверенному, который казался несколько растерянным. Он перевел взгляд с нее на Уэйда, снова с трудом сглотнул, что было видно по движению его кадыка, и стал перебирать бумаги, которые держал в руках.

– Ну тогда, – быстро сказал он, – мне страшно жаль, мисс Саммерз, поверьте, что больше об этом деле сказать нечего. – Он улыбнулся ей с извиняющимся видом. – Чтобы получить наследство, вы должны оставаться на ранчо в течение года, а когда этот период времени пройдет, можете продать

вашу долю любому или всем братьям Баркли – либо другому покупателю, если с этим согласятся все Баркли. На самом деле, – он попытался, чтобы слова его прозвучали обнадеживающе, – это не так уж плохо. Верно?

Кэтлин почувствовала, что горло у нее сжалось. Она все сильнее ощущала, что попала в ловушку, и снова посмотрела на бумаги, ища какую-нибудь зацепку, а голос Маккейна все гудел и гудел:

– И мне нужна ваша подпись, мисс Саммерз, на каждой странице, для подтверждения, что вы были информированы о содержании завещания и поняли, что в нем говорится. – Поверенный сунул руку в карман черного пиджака и, широко улыбаясь, достал изящную серебряную ручку, которую тут же выронил, поймал и покраснел, как свекла. – Итак, почему бы нам не сесть за письменный стол и не оформить все официально? Кэтлин скорее съела бы жабу, чем подписала эти документы. Она не была готова признать свое поражение, но выбора у нее не было – только сесть напротив юриста, взять ручку и посмотреть на то место, где должна стоять ее подпись.

– Вот здесь, – любезно проговорил Маккейн, убирая первую страницу и указывая на поля второй. – Здесь всего четыре страницы – завещание вашего отца не такое сложное, как иногда бывает, – с гордостью сказал он, но Кэтлин больше не слышала его.

Она сидела, похолодев, ручка застыла в воздухе.

– Четыре страницы? В моем экземпляре завещания страниц только три.

Наступило тягостное молчание, и тут она услышала, что мистер Маккейн поперхнулся, а Уэйд Баркли пробормотал ругательство.

– Ну вот, я так и знал, – прорычал он, и Кэтлин охватила тревога.

Она быстро просмотрела каждую страницу из тех, что положил перед ней поверенный. Три первые были такие же, как в прочитанном ею вчера экземпляре, четвертую же она раньше не видела.

Сердце у нее замерло, когда она увидела, что страница эта озаглавлена «Приложение».

Глава 5

Кэтлин быстро прочитала текст, и сердце ее радостно забилось от вновь вспыхнувшей надежды. Закончив чтение, она оттолкнула стул и встала, а потом повернулась лицом к Уэйд Баркли.

– Как вы посмели утаить это от меня! – И, бросившись к нему, она помахала бумагой перед его носом.

– Это вас не касается, – нахмурился Уэйд. – Это предназначено для меня.

– Как это не касается? Здесь сказано, что вы – вы, мистер Уэйд Баркли, – можете по вашему усмотрению вычеркнуть пункт, требующий моего пребывания здесь в течение года. Если вы сочтете необходимым и приемлемым, то можете пренебречь этим и позволить мне продать мою долю вам в любое время!

– И что с того? – Он сжал челюсти. – Это ничего не значит, принцесса, потому что ваш отец упомянул об этом только на случай непредвиденных обстоятельств – какой-нибудь ситуации, которую не мог предвидеть, запасной вариант. Он не думал, что я этим воспользуюсь. Риз хотел, чтобы вы жили здесь, на ранчо, в течение года, и именно так и будет.

– Нет! Вы можете избавить меня от этого, и я требую, чтобы вы это сделали!

– Мисс Саммерз, – прервал их Эбнер Маккейн, осторож-

но положив руку ей на плечо. И вздрогнул, потому что она сбросила его руку, и глаза ее сверкнули.

– Никаких «мисс Саммерз»! Я спросила вас, нет ли какого-либо способа обойти завещание, и вы сказали, что нет. Вы мне солгали!

Он побледнел.

– Это не совсем ложь. Это был частный пункт, предназначенный только для мистера Баркли.

– Хорошо, теперь я узнала о нем, так что вы можете продолжать... начните оформлять документы о покупке. – Мысли Кэтлин понеслись галопом. Значит, она все же сможет уехать сегодня! – Мне нужно знать, какова реальная рыночная стоимость моих сорока процентов – то есть я надеюсь, что вы мне это скажете!

С уязвленным видом поверенный отступил на шаг, потом снова заговорил, пытаясь убедить ее в своей честности и неподкупности, но Уэйд прервал его:

– Маккейн, вы можете идти.

– Идти? Н-но я не кончил. Дело далеко не улажено...

– Нет, черт побери. Улажено. Она останется. На год. Именно так, как этого хотел Риз, хотя я, хоть убей, не понимаю, зачем ему это было нужно.

– Он хотел помучить меня! – воскликнула Кэтлин, охваченная злостью. – Это единственная возможная причина, по которой он вставил такое чудовищное условие...

– Нет-нет, мисс Саммерз. – Вид у Маккейна был потрясен-

ный. – Ваш отец очень заботился о вас. Ему хотелось, чтобы вы устроили свой дом здесь, на ранчо «Синяя даль», и научились любить его так же, как любил он. Я это знаю наверняка, потому что именно так он мне сказал, когда я составлял завещание.

Кэтлин прекрасно знала, что отец ничуть о ней не беспокоился, – это доказывали его поступки в течение того времени, что она прожила на востоке.

– Поздновато для меня начинать чувствовать себя здесь как дома. – Голос Кэтлин дрогнул. Все эти годы, когда ей страшно хотелось побывать у отца, приехать на ранчо «Синяя даль», он не хотел предоставить ей такую возможность – и вот теперь, под конец своей жизни, пригласил ее и обозначил свою волю так, что ей придется против своего желания поселиться здесь, когда его уже нет на свете.

Но ему не удастся заставить ее. Не совсем, не полностью. Слава Богу, нашлась спасительная оговорка.

Стараясь говорить твердым голосом, она повернулась к Уэйдю Баркли.

– Я знаю, что из этого ничего не получится. Если я поселюсь здесь, жизнь каждого из нас станет невыносимой. Почему бы вам не согласиться с этим пунктом насчет непредвиденной ситуации и не избавить нас обоих от множества неприятностей?

– Да никогда в жизни, золотце. Алмазно-синие глаза впились в ее лицо.

– Я уважал Риза, когда он был жив, и я, черт возьми, буду уважать его волю теперь, когда он... ушел. – Он словно не мог выговорить слово «умер». На щеках его заходили желваки. – Лично мне наплевать, что вы сделаете – останетесь или уедете. Но если вы хотите иметь либо ежемесячное пособие, либо деньги за вашу долю ранчо, которые получите через год, то должны остаться. Выбора у вас нет.

Ну уж нет, у нее есть выбор! Кэтлин на миг замерла, потому что в голове у нее мелькнула мысль, прекрасная, чудесная мысль. «Нет, мистер Уэйд Баркли, – подумала она победоносно, – у меня есть выбор». Внезапно у нее возник совершенно другой вариант – новый план, который не мог не сработать, но сообщать о нем Уэиду Баркли она не собиралась.

Он сам скоро все узнает.

Кэтлин отвернулась от Уэйда и обратилась к поверенному. На этот раз тон ее был бодрым и вежливым, но не более того.

– Благодарю вас за потраченное время и за то, что вы все так досконально мне объяснили, мистер Маккейн. Это все – пока что.

Вид у него был удрученный, но говорить больше было не о чем. Кэтлин проводила его и, вернувшись в гостиную, обнаружила, что Уэйд ушел в кабинет. Она тоже пошла туда и, наблюдая за ним из-под полуопущенных ресниц, увидела, что он раскрыл гроссбух в кожаном переплете.

– Что это такое?

– Счета ранчо, – холодно ответил он, не глядя на нее.

– Хм. – Она подошла к нему с неслышной грацией кошки. – Мне хотелось бы просмотреть их, когда вы закончите, – спокойно сказала она.

Он не взглянул на нее, но высоко вскинул брови. Эта чертова девица была такой красивой и невинной, но его ей не одурочить. Она явно что-то задумала.

– А что вы знаете о бухгалтерских книгах, мисс Саммерз?

– Дело в том, что в Филадельфии я посещала одну из лучших школ для молодых женщин, – весело сообщила она. – Я получила там превосходное образование и была особенно способна к арифметике. – Кэтлин подошла к столу, положила ладонь на середину бухгалтерской книги и немного наклонилась. – Я считаю, что поскольку я – совладелец этого ранчо, мне нужно всесторонне изучить скотоводство. Я решила начать с финансовой стороны дела. Потом, разумеется, я хочу опросить всех тех, кто работает здесь.

– Опросить всех? – Она чуть не усмехнулась, настолько испуганным стало выражение его лица. – Зачем?

– А что, если мы нанимаем больше людей, чем требуется? А что, если можно уволить нескольких человек и сэкономить деньги на жалованье? А что, если кое-кто плохо выполняет свои обязанности? – Она изящно пожала плечами. – Кто знает, что я могу обнаружить? Всегда есть место для усовершенствования – таков мой девиз.

– Черта с два, не всегда!

– Мистер Баркли, вы сомневаетесь в моих словах?

Уэйд резко захлопнул книгу и вскочил со стула, двигаясь с ловкостью и быстротой, удивительной для такого крупного человека.

– Не пройдет, – сказал он, приблизившись к ней вплотную.

– Что не пройдет? – Ей захотелось отпрянуть – таким он казался внушительным, но она подавила это желание.

– Что вы там задумали?

– Вы никогда не догадаетесь о том, что я задумала, – проворчала она с лукавой усмешкой. Уэйд заметил в ее колдовских зеленых глазах решительный блеск еще до того, как она повернулась к двери, и его охватило ощущение надвигающихся неприятностей.

Он смотрел ей вслед, не в состоянии оторвать взгляд от соблазнительного изящного покачивания ее бедер.

Проклятие, она что-то задумала! Что-то такое, что ему не понравится. Но что?

Обойдя письменный стол, он снова взялся было за счета, но потом отшвырнул книгу, подошел к окну и уставился на долину, которую знал так же хорошо, как свое собственное имя.

Пейзаж, бескрайний и величественный, как-то успокоил его, вернув душевное равновесие. Это ранчо, место, которое он так любит, с его травами и закатами, горами, поросшими соснами, значили все для Риза и все – для Уэйда. Его брат

Ник родился с жадной страстью в крови и так и не смог осесть на одном месте, а Клинт стал юристом в городе, избрав свой путь таким образом. Ранчо «Синяя даль» всегда будет их домом, но не в том смысле, как для Уэйда, – для него ни одно место на земле не было так красиво, волнующе и исполнено значения, как эти необъятные просторы Вайоминга.

А теперь в его любимую долину вторглась эта избалованная женщина, слишком несерьезная, чтобы оценить, какое сокровище она получила. Особа, желающая только одного – продать свою часть и уехать.

«Зачем тебе так нужно было, чтобы она жила здесь, Риз? – размышлял Уэйд, глядя, как косуля с детенышем прыгают через ручей и исчезают в зарослях кустарника. – Ее матери не хотелось жить здесь, и она разбила тебе сердце, а дочка ничуть не лучше. Я должен отпустить ее. Пусть уезжает».

Поднялся ветер, ворвался в открытое окно и перевернул страницы счетной книги. Уэйд усмехнулся. «Не беспокойся, старина! Я этого не сделаю. Пусть плачет, умоляет, кричит, угрожает или пытается подкупить меня всеми деньгами, какие есть на свете, я не поддамся. Я дал тебе обещание приглядеть за ней, и я его сдержу».

Но это будет чертовски трудное дело – и чертовски долгий год.

Глава 6

Когда Уэйд пришел вечером в дом к работникам, чтобы сыграть еженедельную партию в покер с Рустером, старым Болди и другими пастухами, то обнаружил, что все заключают пари о том, когда новый совладелец ранчо «Синяя даль» сбежит отсюда.

– Что до меня, даю ей неделю, – заявил Мигель, красивый ковбой-мексиканец, швырнув на стол банкноту.

– Не-а, даю один день. – И Рустер добавил две серебряные монеты. – Завтра к ужину уедет. Я видел, какое у нее было лицо, когда она только что приехала, мокрая и все такое. Эта леди не годится, чтобы жить на земле. Такие ходят в гости на чай с пирогами, а не возятся с хозяйством. Уедет к завтраму, – рассудительно сказал он.

– Ну! Она ведь Ризова дочка. – Слезящиеся стариковские глаза Болди по очереди оглядели каждого из собравшихся. – В ней должно быть хоть чуточку его упрямства, и не важно, где она выросла. Держу пари, она выдержит примерно десять дней или около того. А после, – он пыхнул сигаркой, – вылетит отсюда с такой скоростью, что у нас всех глаза на лоб полезут.

– А я надеюсь, что она останется, – убежденно проговорил Джейк Янг. Он был новичком на ранчо, со свежим розовым лицом, всегда чисто выбритый, но Уэйд никогда еще

не встречал человека, который лучше Джейка умел бы обращаться с лассо. – В жизни не видал таких красоток. Мне больше нравится смотреть на нее, чем на разодетых леди в танцевальном зале Дикси в Ларами.

– Кто-то, кажется, влюбился, – насмешливо сказал Мигель, и Уэйд вместе с остальными беззлобно ухмыльнулся, глядя на покрасневшего ковбоя.

– В общем, либо да, либо нет. Но если мисс Саммерз пробудет до танцев, которые устраивают на майский день, я попрошу у нее позволения сопровождать ее, – пообещал Джейк.

– Тебе придется стать в очередь, старина. – Дерк Уоткинс, который, прежде чем устроился работать на ранчо, занимался укладкой рельсов или охотился, бросил на него холодный взгляд. – Найдутся такие, что пригласит ее раньше тебя.

Уэйд нахмурился.

– Может, эта леди и хорошенькая, но у нее сердце хищницы, – рявкнул он. – Лично я предпочитаю другой тип, с более мягким нравом.

– Вроде мисс Луанн Поргер? – Рустер понимающе кивнул. – Сколько раз ты ужинал у нее на прошлой неделе?

– Не твое дело.

– По мне, так она вполне ничего, – пробормотал Дерк.

– Это ты о ком? – спросил Джейк.

– О мисс Саммерз. – При тусклом свете фонаря, освещающего жилище работников, выражение глаз бывшего охот-

ника нельзя было разобрать. – Я сказал, что она очень даже ничего.

Уэйд стиснул зубы. Если сегодня вечером он услышит еще хоть одно слово о мисс Саммерз, то кого-нибудь стукнет.

– Так мы будем играть в покер или нет?

Кэтлин стояла в своей комнате у окна, глядя на холодные мерцающие звезды, и думала о том, как побыстрее довести Уэйда Баркли до отчаяния.

Была почти полночь, когда она, накинув на плечи шаль, вышла из дома через кухонную дверь и направилась к ручью, который струился примерно в пятнадцати ярдах за домом для работников. Погруженная в свои мысли, она села на поваленное дерево, лежащее на расчищенной площадке в окружении тополей, и принялась смотреть на сверкающую ленту ручья, в которой отражалась луна. Тишину нарушали лишь невидимые лягушки.

– Увидим, какой силой духа вы обладаете, мистер Уэйд Баркли, – пробормотала она тихонько.

Что-то холодное и мокрое ткнулось в ее руку, и она испугалась. Горящие глаза смотрели на нее из темноты, пушистый хвост дружелюбно вилял.

– Маркиз, – прошептала она с облегчением и протянула руку, чтобы тот ее обнюхал.

Хвост завилял еще энергичнее. Кэтлин погладила собаку за ушами.

– Кажется, сейчас в целом мире ты мой единственный друг. – Она улыбнулась, глядя в преданную собачью морду. Пес лизнул ее пальцы. – Ну и прекрасно. Найти друга нелегко. Настоящего друга. Верно, мальчик? Люди не всегда бывают такими, какими кажутся.

– Беседуете с собой?

Кэтлин резко вскинула голову. Глаза ее широко раскрылись, когда она увидела, что неподалеку стоит Уэйд. Лунный свет падал на его темные волосы и косо ложился на широкие плечи, но не мог сравниться с холодным ярким блеском его глаз.

– Что вы здесь делаете? Вы напугали меня до полусмерти!

С досадой она увидела, что Маркиз оставил ее и бросился к Уэйду.

– Вы вроде не из тех женщин, которых легко напугать. То есть, – поправился он, медленно подходя к ней, – с виду вы, может, сплошная кротость и беспомощность, но, судя по тому, что я слышал, гораздо жестче, чем кажетесь.

Внезапно Кэтлин почувствовала себя далеко не жесткой. Уэйд выглядел таким сильным, таким устрашающим сейчас, в темноте, – мрачная, опасная личность, способная, наверное, на все.

– Я принимаю это как комплимент, – отозвалась она, слегка задыхаясь, – хотя вряд ли вы хотели польстить мне.

В его глазах что-то появилось – одобрение? Неожиданно он пожал плечами.

– На самом деле почти так. Может, вы мне не особо нравитесь, принцесса, но должен признаться – вы умеете бороться за свое.

Он остановился совсем рядом с ней. Близко, очень близко! Опять Кэтлин захотелось отступить, чтобы их разделяло хоть какое-то пространство, потому что его присутствие оказывало на нее странное воздействие – она не могла оторвать взгляда от его сурового лица.

– Вы сказали, что никогда не плачете, никогда не падаете в обморок, и, учитывая то, что я видел, это правда. – Он рассматривал ее, отмечая, что на плечи ее наброшена шаль, губы от удивления полураскрыты, грудь судорожно поднимается и опускается. – Вы пережили сильное потрясение, но не покорились. Не могу этого не признать.

– Я борюсь за то, что мне нужно, если вы это имеете в виду. Не важно, какой ценой мне это дается, – быстро добавила она, вспомнив о Доминике Тренте, лежащем на полу в луже крови, после того как ей пришлось ударить его подсвечником. Сказав это, Кэтлин увидела, что Маркиз потрусил прочь, к дому работников. Теперь здесь только она, Уэйд и лунный свет, слабый, как волшебная дымка. – Что, как я полагаю, ставит нас по разные стороны линии огня, – с вызовом закончила Кэтлин.

Она хотела пройти мимо него, но он схватил ее за руку и остановил.

– Так быть не должно. Вы не выиграете это сражение, по-

тому что я дал слово Ризу, а я никогда не беру свое слово назад, и вам это следует знать.

Она вдруг очень живо вспомнила несчастный голос Алека Бэллентри: «Мне вовсе не хочется возвращать вам свое слово, но теперь я не могу жениться на вас, Кэтлин. Это совершенно невозможно...

Человек слова. Больше она в такие вещи не верит. Ледяным голосом Кэтлин проговорила:

– Вы передумаете, когда настаивать будет не в ваших интересах.

– Нет. Не передумаю. – Он говорил спокойно, но очень уверенно. – Так что вы напрасно теряете время, пытаетесь справиться со мной. Лучше бы вы согласились с условиями завещания и попытались...

– У меня есть сестра, мистер Баркли, одиннадцатилетняя сестра. – Она ощутила какие-то токи там, где он прикасался к ее руке, отодвинулась и быстро продолжала: – Теперь за ее воспитание ответственна я. Вероятно, вам неизвестно, но наши родители, – она намеренно подчеркнула последнее слово, чтобы он понял, что она не считает Риза своим родителем ни в коей мере, – наши родители недавно умерли, и теперь сестра полностью на моем попечении.

Судя по выражению лица, это его поразило.

– Я слышал что-то такое – несчастный случай на море, – но я ничего не знал насчет вашей сестры, – резко сказал он.

– Вы вообще ничего не знаете ни о моей жизни, ни обо

мне, мистер Баркли. Вам только кажется, что вы знаете.

– Я знаю, что когда ваш отец – Риз – послал за вами, вы повернулись к нему спиной.

– Его письмо пришло в тот же день, когда я получила сообщение о гибели матери и отчима! – с жаром воскликнула Кэтлин. – Я не могла тогда к нему приехать, даже если бы захотела!

Вид у него был ошеломленный. На мгновение воцарилась тишина, слышалось только, как квакают лягушки на берегу ручья и как взволнованно дышит Кэтлин.

– Теперь я пойду в дом. Когда рассветет, я побеседую с работниками – увидим, все ли они согласятся с моими предложениями, – бросила она Уэйдю. – А потом я хочу просмотреть с вами счетные книги, все до единой. Я нашла три ошибки в подсчетах за февраль. Вы ошиблись на целых двадцать семь центов.

Уэйд прищурился.

– Это невозможно. Каждую страницу счетов я проверяю дважды. Там нет ошибок.

– Не возражаете, если мы заключим пари? Его глаза остро блеснули в лунном свете.

– Конечно. Сколько?

– Сколько чего?

– На какую сумму?

Кэтлин задумалась. У нее в ридикюле оставалось всего двенадцать долларов и сорок семь центов. Как ни была Кэт-

лин уверена в своей правоте, она не могла рискнуть ни единым пенни из этой суммы.

– Деньги так надоедают, – высокомерно сказала она. – Давайте спорить на что-нибудь поинтереснее.

– Ах, вот как? А что для вас интереснее, чем деньги? – Вопрос был задан ироничным тоном, и в глазах Уэйда читался насмешливый вызов, но Кэтлин поймала его именно на том, на чем хотела поймать.

– Если я права, вы немедленно покупаете мою долю, – заявила она.

Он шагнул ближе, и ленивая ухмылка изогнула уголки его губ.

– Не-ет. Простите, принцесса, но это условие завещания вне обсуждения.

– Тогда... – Она глубоко вздохнула. – Если я права, вы тут же выдаете мне мое пособие за два месяца.

Этой суммы, наверное, хватит, чтобы заплатить все долги за обучение Бекки, ее стол и комнату и послать ей немного карманных денег, а может быть, еще останется немного для слуг, уволенных без выплаты жалованья.

Уэйд удивился, с какой это стати наследница, которая только что получила огромное состояние на востоке, так заинтересована в деньгах.

– Ладно, договорились, – согласился он. От него не укрылось, как мило она улыбнулась, взволнованная возможностью выигрыша. В лунном свете она казалась восхититель-

ной, нежной, милой и соблазнительной, словно фея цветов. – Что получу я, если ошиблись вы?

– Обещаю не увольнять никого из ваших работников. – Она холодно кивнула. – Это справедливо.

Уэйд хотел было сказать ей, что ни в коем случае не позволит ей уволить кого бы то ни было – на ранчо нужен каждый работник. Это были тщательно подобранные люди, хорошо сработавшиеся, как спортивная команда, каждый человек обладал особыми умениями, что делало его незаменимым. Но у нее был такой довольный вид, когда она это произнесла, что он забыл о споре и внезапно обнаружил, что стоит прямо перед ней, положив руки на ее талию.

– Может, не будем впутывать сюда работников? Лучше, если это будет только между вами и мной.

– Вами... и мной? – Голова у Кэтлин вдруг закружилась. От его прикосновения она ощутила какую-то непонятную слабость во всем теле и была не в состоянии сосредоточиться на споре. – Не понимаю... о чем мы можем... держать пари между... собой?

– Считаю, мы могли бы что-нибудь придумать. – Уэйд вряд ли понимал, что говорит. Он погрузился в эти бездонные зеленые глаза, потерял контроль над чувствами, осязая ее тело. На этот раз белокурые волосы Кэтлин не были зачесаны кверху, а свободно падали на плечи. Ему хотелось погладить их, узнать, такие же ли они мягкие на ощупь, как кажутся. А ее губы...

– Можно поспорить на поцелуй. – Уэйд не знал, откуда взялись эти слова, такие неожиданные в его устах, – они просто сами собой сорвались с его языка. Наверное, потому, что он смотрел на ее губы.

По телу девушки пробежала дрожь, и он заметил это, поскольку по-прежнему держал ладони на ее талии.

– Мы... разумеется, мы не можем сделать этого! Испугавшись, Кэтлин хотела было отодвинуться, но Уэйд обвил ее стан рукой и не дал ей уйти. Другой рукой он взял ее за подбородок.

– Ну же, не нужно кокетничать со мной, принцесса. Я просто пошутил.

Пошутил? Уэйд и сам не знал в точности, так ли это. Он видел, что она испугана и в то же время колеблется – это читалось в ее глазах, пытливо вглядывающихся в него. Слово «поцелуй» произвело такое же впечатление, как если бы он вонзил шпоры в бока молодой кобылки, которую намеревался объездить.

– Договоримся так. Если я прав и в счетной книге нет ошибок, тогда вы будете целую неделю носить ваши восхитительные волосы распущенными. Красиво и свободно, вот как сейчас.

Колдовские глаза смотрели на него в замешательстве.

– Почему вас волнует... как я ношу...

– Согласны или нет, принцесса? – мягко прервал девушку Уэйд и, сам того не замечая, привлек ее к себе.

Его внезапно охватило пылкое желание поцеловать Кэтлин, и понадобилось все его самообладание, чтобы удержаться. Он не хочет целовать ее, сказал он себе, черт, она ему даже не нравится! Но эти сочные соблазнительные губы рождали в его голове сумасшедшие мысли. Он сознавал, что с трудом может устоять перед искушением...

Кэтлин отпрянула с тихим возгласом:

– Нет!

Она прерывисто дышала, смотря на Уэйда полными страха огромными глазами, словно боялась, что тот швырнет ее на землю и овладеет ею насильно.

Досада и злость, злость на себя самого, охватили Уэйда.

– Не бойтесь, – сказал он. – Я ничего вам не сделаю.

– Вы пытались поцеловать меня!

– С какой стати?

– Вы сами сказали!

Черт побери, неужели? Уэйд не знал, почему хотел поцеловать ее, понимая, что этого делать не следовало, и резко переменял тему разговора.

– Слушайте, мне нужно пойти соснуть. Давайте не будем тянуть, заключим наше пари и проверим счетные книги сейчас же.

– П-прекрасно. – Ее охватили сомнения. Неужели она ошиблась и на самом деле он и не думал ее целовать? Кэтлин, пожалуй, не была в этом уверена. – Но вы... держитесь от меня подальше. Я вас предупреждаю!

– С удовольствием, – пробормотал он. – Так что я получу, если выиграю?

Кэтлин лихорадочно искала ответ. Почему этот человек так выводит ее из равновесия и она ничего не может с этим поделать?

– Я испеку вам пирог, – сказала она в конце концов, зябко кутаясь в шаль, – становилось прохладно.

– Вы что, умеете печь?

В голосе его звучало такое удивление, что Кэтлин вспылила.

– Полагаю, вы это узнаете. Если, конечно, выиграете, – бросила она через плечо, направляясь к дому.

– Какой пирог? – спросил он, ступая позади нее.

– С ядовитыми ягодами.

Он хмыкнул. Услышав это, она тоже чуть было не улыбнулась, но подавила это желание, вспомнив, как он бессовестно вел себя с ней.

– Так вы согласны на такие условия?

– Конечно, принцесса. – Он схватил ее за руку, не дав упасть, потому что она споткнулась о какую-то невидимую кочку в траве. – Читайте, что я уже ем этот пирог.

Когда они вошли в кабинет, Уэйд зажег лампу, подошел к письменному столу и уверенно открыл счетные книги.

– Ну, давайте. Покажите мне эти так называемые ошибки. Кэтлин взяла у него книги и стала листать страницы.

Лицо ее в золотом свете лампы казалось очень юным и в

то же время исполненным решимости.

– Вот. – Она с торжествующим видом провела тонким длинным пальцем по столбику цифр. – И вот.

Уэйд нагнулся, чтобы проверить свои расчеты. Волосы ее, коснувшиеся его щеки, были как шелк. И... проклятие! От нее едва заметно пахло фиалками.

– И вот здесь.

Он заставил себя сосредоточиться на цифрах, но это было трудно, потому что она стояла так близко и от нее так сладко пахло! Он выхватил книгу и направился к другому концу стола.

Теперь, когда их разделяло некоторое расстояние, Уэйд смог хоть как-то сосредоточиться и, внимательно всмотревшись в колонки цифр, понял, о чем она говорит. Он все пересчитал заново, потом пересчитал во второй раз.

– Что за черт!

А ведь, пожалуй, она права!

– Я вам говорила! – Кэтлин едва не захлопала в ладоши от радости, но опустила руки, потому что Уэйд нахмурился.

– Итак... первым делом завтра утром я получаю пособие, причем за два месяца, – надменно сообщила она. – После того, как побеседую с работниками. Он нахмурился еще сильнее.

– И думать забудьте о разговоре с работниками. – Он швырнул счетную книгу на стол. – Если вам взбрдет в голову уволить кого-то, я просто снова найму их.

Теперь настала ее очередь сдвинуть брови.

– Это мы еще посмотрим, мистер Баркли. Мне принадлежит такая же доля, как и вам, и такое же право принимать решения. Если я захочу уволить кого-то, я это обязательно сделаю.

– Кажется, меня вы тоже собирались уволить, – заметил он. – Вы что, забыли?

Кэтлин стиснула зубы, вспомнив, как он рассмеялся, когда она сказала это, сидя в повозке. Тогда ей и в голову не могло прийти, что этот грубый, высокомерный человек вдруг окажется совладельцем отцовского ранчо, потому что рос как сын ее отца.

– Очень жаль, что я не могу уволить вас, – тихо пробормотала она, повернулась и направилась к двери.

– Обязательно дайте мне знать, если найдете еще ошибки в книгах, – сказал он ей вслед. – Хотите, я достану книги за последний квартал, и вы их просмотрите.

– Может, и захочу. Как видите, я проявляю активный интерес к ранчо – моему ранчо, – бросила она в ответ.

– Я уверен, Риз был бы доволен, что вы с таким вниманием относитесь к имению, которому он отдал более двадцати лет пота, крови и слез. Очень плохо, что вы не соизволили появиться здесь, пока он был жив.

Едва раздалась эти слова, как в комнате повисло тягостное молчание. Молчание, которое придавило плечи Уэйда, словно тяжкий груз. Он видел, как напряглось лицо Кэтлин,

как она судорожно сглотнула, и заметил, что ее руки внезапно с такой силой вцепились в юбку, что побелели костяшки пальцев.

– Я прошу вас не касаться этой темы, мистер Баркли, – проговорила она наконец. Неужели он не знает, что Риз полностью отверг ее, не ответил ни на одно из писем, а тем более не приглашал ее побывать на ранчо? Впрочем, об этом унижении она не намерена ему рассказывать. Особенно потому, что он вырастил всех троих мальчишек Баркли как своих сыновей. – Хватит с меня не деликатных мужчин.

Кэтлин повернулась и вышла, не дожидаясь его ответа.

Она ушла, и Уэйд мог бы поклясться, что свет лампы потускнел, а комната почему-то стала убогой и мрачной.

«Хватит с меня не деликатных мужчин».

Обогнув стол, он налил себе стаканчик виски из хрустального графина, выпил и вспомнил, как горько искривились ее губы, когда она это произнесла.

Он вспомнил еще одну вещь, которую она сказала в этот вечер, когда говорила о своей младшей сестре.

«Вы вообще ничего не знаете ни о моей жизни, ни обо мне, мистер Баркли. Вам только кажется, что вы знаете».

«Смотри, не расчувствуйся из-за какой-то ослепительной красотки, которая не удосужилась ни разу навестить Риза за все восемнадцать лет, пыталась заставить плясать под свою дудку его поверенного, чтобы тот изменил завещание, а теперь, наверное, вознамерилась поступить также с тобой», –

сказал он себе.

Она что-то задумала с этой скрупулезной проверкой книг и разговором с работниками. Он не понимал, какова ее цель, но на нервы она ему действовала, это точно.

«Подумай о ком-нибудь другом. Подумай о Луанн».

У Луанн Портер, школьной учительницы, приехавшей из Сент-Луиса несколько месяцев назад, чтобы учить детей Серебряной долины, потому что она расположена слишком далеко и они не могут посещать школу в Хоупе, – у Луанн Портер были темно-рыжие волосы, россыпь симпатичных веснушек и улыбка, ласковая, как солнышко. Она жила поблизости с теткой и дядей в усадьбе «Висячий круг» и не только приглашала его ужинать после смерти Риза, но еще и регулярно привозила ему пироги, кексы и печенье. Она делала все, что могла, чтобы подбодрить его.

Поцелуи ее также помогали. Сладкие поцелуи с привкусом ванили.

Когда Ник и Клинт были здесь, они подшучивали над ним, утверждая, что через месяц он женится.

Но Уэйду все представлялось иначе. Он не особенно торопился связывать себя брачными узами, хотя хотел обзавестись женой. Но он думал об этом как о чем-то очень далеком. Как ни была мила Луанн Портер, он следил за собой, стараясь не проявлять к ней особенного внимания. В салуне хватает хороших девчонок, которым нравится сидеть у него на коленях и приглашать наверх в отдельную спальню,

оклеенную красными с золотом обоями. Хватает с избытком и красивых дочек владельцев ранчо в долине и у коммерсантов в Хоупе – он, черт возьми, не познакомился еще и с половиной из них.

Но когда придет время, он, конечно, женится на девушке, похожей на Луанн. Она будет милой и добродушной и сделает его жизнь безмятежной, уютной и приятной, как день, проведенный за любимым занятием.

И уж влюбляться он ни в коем случае не собирается. Лучше проползти на брюхе через яму со змеями! Уэйд видел, как страдал и горевал Риз из-за Лидии, знал, как истекало кровью сердце этого человека, как долгие годы болела его душа, и, когда ему было всего четырнадцать лет, решил, что никогда не позволит никакой женщине взять над ним такую власть.

Он никогда никого не полюбит так сильно, не будет ни в ком нуждаться, ни о ком не станет скучать.

Лидия Саммерз была не просто красавицей, которая появилась в жизни Риза, а потом упорхнула, – она владела его сердцем. Даже несмотря на то что она бросила его – убежала, когда он был в отъезде на ярмарке скота, – несмотря на то что она увезла с собой дочь, Риз ни на миг не переставал любить ее. Он так больше и не женился, никогда не ухаживал за какой-либо женщиной, разве что время от времени сопровождал Уиннифред Дейл на пикник у костра или на танцы в Майский день, да порой проводил ночь с девицей из

салуна «Серебряная звезда».

Нет, Риз так и не разлюбил Лидию и тосковал по ней до самой смерти.

Но он Уэйд, не собирается совершать такую же ошибку.

«Думай о Луанн!»

Он попытался представить себе ее лицо, но оно получилось каким-то неясным. Наверное, виски виновато.

Уэйд пошел спать, пытаясь вспомнить вкус поцелуев Луанн, но почему-то все время думал о том, похожи ли поцелуи Кэтлин вкусом на фиалки.

В то же самое время еще один человек думал о Кэтлин Саммерз и мечтал о ее поцелуях.

В собственном трехэтажном кирпичном доме в Филадельфии Доминик Трент ходил взад-вперед по огромной гостиной. Его била дрожь, словно он страдал лихорадкой.

Наконец он опустился на зеленый бархатный диванчик, опершись широкими плечами о подушки. Гостиная тонула в темноте, и в великолепную, затейливо декорированную комнату проникал только слабый свет люстры, зажженной в холле. Трент налил себе очередную порцию бренди из уже полупустого графина, стоящего на столе, и залпом выпил обжигающий напиток.

Закрыв глаза, он снова откинулся на подушки и представил себе необыкновенное лицо золотоволосой женщины, забыть которую ему никак не удавалось.

Голова раскалывалась, но виновато было не бренди. По-

вязка давно была снята, огромная шишка давно превратилась в едва заметную припухлость, но боль прошла еще не до конца.

И не пройдет, напомнил себе Доминик, пока женщина, причинившая ее, не окажется полностью в его власти.

Он возжелал Кэтлин Саммерз с тех пор, как увидел ее в оперном театре в тот год, когда она начала выезжать. Он попытался ухаживать за ней в своей обычной манере, но, прежде чем получил отпор, понял, что этот лакомый кусочек, несмотря на восхитительную внешность, тверд, как сталь.

Разумеется, это делало объект его страсти еще более притягательным. И без сомнения, сама Кэтлин на это рассчитывала. Наверняка в глубине души ей хотелось помучить его. Она знала, что холодность к нему делала ее еще более соблазнительной, а неуступчивость служила отличной приманкой. Трент был заядлым охотником. Во времена молодости он путешествовал по западу и охотился на лосей, черных медведей и буйволов с самым лучшим егерем, какого можно было найти по эту сторону Миссури. Хотя из чувства долга он вернулся к цивилизации, чтобы после смерти отца стать главой семейной корабельной империи, но так и не утратил своей склонности к простой жизни и любви к охоте. А Кэтлин Саммерз с первой же минуты, как он увидел ее, показалась ему именно тем созданием, за которым можно с азартом охотиться.

Она была желанной добычей – красивая, независимая, элегантная женщина, с грацией ланей, которых он частенько видел на равнинах, жертва, которую хотелось выслеживать, преследовать... и поймать.

Но он и предположить не мог, что его прекрасная добыча станет сопротивляться. В тот вечер, когда Трент считал, что заманил Кэтлин в ловушку, когда она была здесь, в этой вот гостиной, где он хотел овладеть ею, – совершенно беззащитная, не имея никого в целом свете, кто мог бы ей помочь, – ему и в голову не пришло, что она ударит его с такой силой.

Она нарушила правила. Ударила его по голове, чуть не убила, заставив мучиться от головной боли, которая то затихает, то усиливается, но не проходит.

Врачи говорят, что она никогда не пройдет.

Ну что ж, она заплатит за это. Дорого заплатит!

Возможно, Кэтлин считает, что спаслась, но очень скоро она узнает, что от него ей спасения нет.

Кэтлин поймет это, когда в конце концов он разыщет ее след.

«А я непременно разыщу его, милая Кэтлин», – подумал Трент, вставая с дивана и направляясь в холл, оклеенный бархатными обоями.

– Томас! – крикнул он голосом, в котором, несмотря на мягкость интонации, слышалось что-то угрожающее, словно за словами вот-вот последует удар кнута.

– Горничную, которая прибирала сегодня у меня в спаль-

не, нужно уволить, – сказал он дворецкому, торопливо появившемуся в холле в ответ на зов. – Она разбила бокал и пролила шампанское на ковер.

– Слушаю, сэр. Простая неловкость, сэр. Но она новенькая...

– Увольте ее.

– Слушаю, мистер Трент. – Дворецкий наклонил голову. – Желаете еще что-нибудь приказать?

– Пусть Форбс подаст карету завтра утром точно в восемь часов.

– Слушаю, мистер Трент.

– Скажите ему, что я полагаю – он будет знать, куда мы поедем.

– Конечно, сэр. А куда вы желаете поехать? Доминик Трент направился к лестнице, лоб его был сморщен от боли, но все же он с удовольствием произнес каждое слово:

– В некое место, которое сыграет важную роль в моем будущем. В Давенпортский пансион для молодых леди.

Глава 7

Оказалось, что она не смогла уволить ни одного из работников ранчо: ни Рустера с его дурацкой манерой краснеть и ходить на полусогнутых ногах; ни Джейка Янга, чьи большие карие глаза и чисто выбритое привлекательное лицо напомнили Кэтлин рисунок, изображающий Билли Кида, который она как-то увидела в витрине лавки, торгующей дешевыми романами; ни Мигеля с его белозубой улыбкой и безупречно вежливыми манерами; ни Дерка Уоткинса, чьи тонкие черные усики, элегантная одежда и затейливо повязанный шелковый шейный платок производили такое же сильное впечатление, как и его звучный низкий голос. И уж конечно, не старого Болди, чья загорелая обветренная кожа, слезящиеся глаза и скрюченные мозолистые руки со всей очевидностью свидетельствовали о долгих годах тяжелой работы под открытым небом, годах, когда он работал на Риза Саммерза – как он рассказал ей – с самого начала, когда на этом месте не было ничего.

Кэтлин не смогла этого сделать.

В тот же день позже по дороге в город – на этот раз повозкой правил Рустер, и простая повязанная муслином шляпка защищала Кэтлин от яркого вайомингского солнца – она придумала более удачный план.

Ей не терпелось увидеть, какое будет лицо у Уэйда Барк-

ли, когда она осуществит этот план.

Пока же она открыла счет в банке, внесла свое двухмесячное пособие и послала телеграфный перевод в Филадельфию. Покончив с этим, она побывала в «Торговом заведении Хикса» и познакомилась с Нелл Хикс и ее отцом, владельцем этого заведения.

Она также с удовольствием поболтала с мисс Дейл, которую застала за разборкой почты у стойки почтовой конторы.

Уиннифред прочла адрес на конверте, который протянула ей Кэтлин, и приветливо взглянула на девушку.

– «Мисс Ребекке Тамарлейн, Давенпортский пансион для молодых леди? Наверное, это ваша подруга, мисс Саммерз? Как мило.

– Нет, это моя сестра. Единоутробная сестра. – Кэтлин, смотря, как мисс Дейл кладет письмо в пухлый мешок с почтой, надеялась, что Бекки не очень огорчится, узнав, что она вернется к ней не так скоро, как они рассчитывали, но старалась успокоить себя тем, что отъезд отложен ненадолго.

– Ах, может быть, она приедет на ранчо «Синяя даль» навестить вас? – с улыбкой предположила мисс Дейл.

– Нет, я ни за что не позволю Бекки проделать такой путь в эти нецивилизованные... то есть в столь отдаленные от дома края, – быстро поправилась она. – Кроме того, я пробуду здесь не так долго, чтобы приглашать гостей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.